РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 10. 6-го Марта 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

ВМѢСТѢ съ тѣмъ, Файка — какъ ее всѣ звали — уже мѣсяцевъ восемь или девять была близкимъ человѣкомъ и красавцу Миляю, но и молодецъ, и дѣвушка вели себя настолько осторожно, настолько ловко и искусно, что въ большой промежутокъ времени никто въ домѣ не подозрѣвалъ ихъ. Разумѣется, они играли въ очень опасную игру—раскрытіе того, что было подъ спудомъ, благодаря ихъ ловкости, повлекло-бы за собою страшную месть не столько потому, что князь былъ человѣкъ злой, сколько въ силу обычая. Князь очутился-бы въ положеніи человѣка, который обязанъ поневолѣ отмстить за себя, за срамъ и насмѣшку и примѣрно наказать и своего крѣпостного скорохода, и купленную крѣпостную дѣвушку.

Влюбленные назначили себѣ свиданіе на берегу рѣки впервые и только лишь потому, что обстоятельства круто измѣнились. Обоимъ грозила бѣда. Обыкновенно, они видались гораздо осторожнѣе, но теперь было не до того.

Миляй, расцѣловавъ Файку, вдругъ увидѣлъ, что лицо ея все въ слезахъ.

— Что такое?— ахнулъ онъ. — Опять приревновала, что-ль?

Дѣвушка хотѣла отвѣчать, но залилась слезами.

— Да говори, что такое?

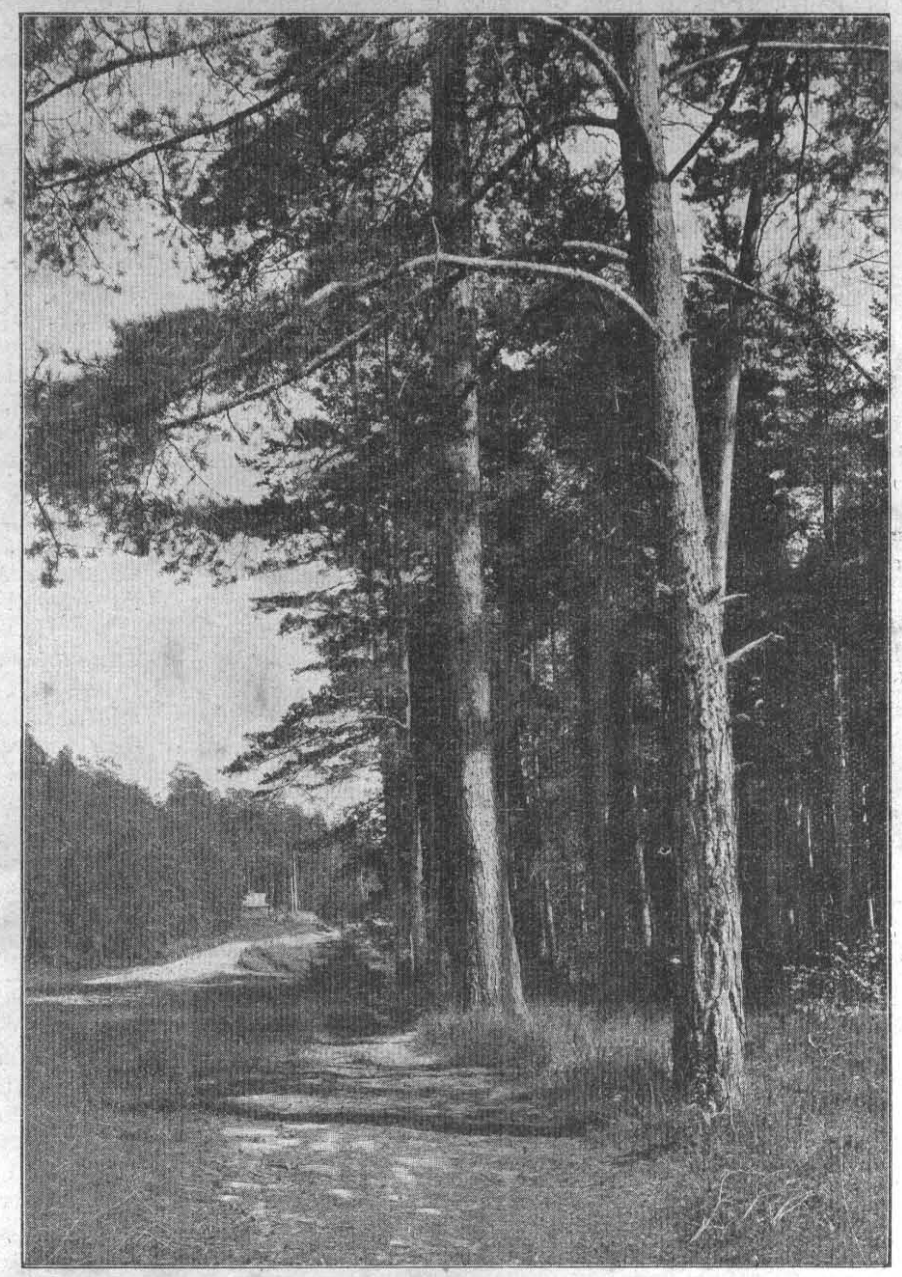
— Бѣда, Миляй! Пропадать мнѣ! Продаютъ!

— Кто продаетъ?

— Кто? Князь!

Озадаченный Миляй просидѣлъ нѣсколько мгновеній, не произнося ни слова. Наконецъ, онъ выговорилъ упавшимъ голосомъ.

— Что ты? Правда-ли? Кто сказалъ?



ПО ДОРОГѢ ИЗЪ КАЛУГИ ВЪ ТИХОНОВУ ПУСТЫНЬ.
По фотографіи съ натуры **В. Ченцова.**

— Знаю, вѣрно знаю. Продаетъ! Да, вѣдь, не я первая. Всегда такъ было у него. Онъ выискалъ, вишь, какую-то другую и за нее дорого даетъ, а меня велѣлъ Евсѣичу скорѣе продавать. Да это еще что! А лучше всего, что я знаю впередъ, кому продадутъ... страшнѣющему уроду да злюкѣ. И, мало того, нехристю.

— Что ты? что ты? полно! — заговорилъ Миляй, слегка мѣняясь въ лицѣ.

— Да, вѣрно... Нѣмцу-доктору... Онъ самъ мнѣ сказалъ, нѣмецъ,—и Файка залилась слезами еще пуще и горше.

— Самъ сказалъ? Когда? Какъ?

— Онъ былъ у княгини, повстрѣчалъ меня въ корридорѣ и сказалъ: „Будетъ тебя князь продавать. Я тебя куплю. Ты мнѣ люба“. Онъ давно это говорилъ. Ну, вотъ теперь и правда. Продаютъ. Помоги, не давай, Бога ради, коли любишь!

— Да что-же я могу? — развелъ руками Миляй, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поблѣднѣлъ.

— Надумай! Ты въ дружествѣ съ Абрамомъ, а Лисафа Давыдовна, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Проси Абрама, а онъ пусть свою мать проситъ, а та — княгиню. Пускай меня оставятъ просто горничной, а не продаютъ. Я хоть въ поломойки пойду, хоть даже и за скотиной буду ходить, коровъ доить, на все пойду, чтобы съ тобой не разлучиться. И одѣнусь совсѣмъ по-крестьянски; что мнѣ во всѣхъ этихъ барскихъ одежахъ; изъ-за нихъ одно мучительство видѣла. Попроси Абрама, ты для него хлопочешь въ пагубномъ дѣлѣ изъ-за дьякона. Пущай, онъ похлопочетъ за тебя.

Миляй подумалъ, но нахмурился; потомъ, покачавъ головой, онъ выговорилъ глухо:

— Ничего нельзя будетъ подѣлать—ни Абрамъ, ни Лисафа ничего не сдѣлаютъ, потому что княгиня къ князю съ такимъ дѣломъ не пойдетъ. Въ эти дѣла онъ не позволяетъ никому вступаться; въ чемъ другомъ княгиня свое возьметъ, а въ этихъ дѣлахъ князь всегда говоритъ, что это — его особливое дѣло и чтобы никто не вмѣшивался. Надо, Фаюшка, что другое надумать и я надумаю.

— Да что-же другое? — снова заплакала дѣвушка.

— И самъ не знаю, буду думать, авось что и придумаю. Только правда-ли все это, Файка? не чудится-ли тебѣ такъ, зря?

— Чуденъ ты самъ! Я знаю навѣрное, все знаю,— заговорила дѣвушка рѣзко и энергично.

Она перестала плакать. Красивые глаза ея заблестѣли рѣшимостью. Видно было теперь, что эта красивая бѣлолицая дѣвушка, очень юная по природѣ, съ сильной волей, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгнетъ не къ однимъ лишь слезамъ.

— Этотъ поганый старый хрычъ, — заговорила Файка быстро, озлобляясь и негодуя, — этотъ идолъ уже давно со мной не ласковъ, какъ прежде. Наскучила старику-хрычу. Онъ теперь выискалъ гдѣ-то какую-то другую. Евсѣй это сказывалъ дворецкому, а тотъ меня упредилъ. И вотъ ужъ и продаютъ, Евсѣй ищетъ покупателя, а ту дѣвку уже торгуетъ... — И помолчавъ мгновеніе, Файка проговорила: — Миляй, Господа ради... Пожалѣй, помоги... Проси Абрама!

— Буду просить, Фаюшка. Только ничего не выйдетъ, — грустно отвѣтилъ Миляй.

— Если я попаду къ нѣмцу, я удавлюсь или его самого прирѣшу, и буду въ острогѣ, въ Сибири.

И въ голосѣ дѣвушки было что-то доказывающее, что она говоритъ не на вѣтеръ, не зря, не въ видѣ простой угрозы; казалось, что, она все обдумала и знаетъ, что говорить.

Молодые люди разстались и разными аллеями пошли въ домъ. Миляй шелъ, уныло опустивъ голову, дѣвушка шла тихо, но твердой поступью и слегка закинувъ голову. Бѣда ее возбудила...

XXII.

Лисафа „изломала“ себѣ голову, какъ выражалась она. Ломая голову на всѣ лады, она, наконецъ, додумалась, какъ достигнуть затаенной цѣли, придумала цѣлый затѣйливый планъ. Сначала она хотѣла разсказать мужу, что, наконецъ, пришло ей на умъ, но затѣмъ рѣшила, что въ такихъ дѣлахъ сообщниковъ и помощниковъ имѣть не надо: однимъ неосторожнымъ словомъ можно было испортить все; въ такомъ хитромъ, сплетенномъ изъ разныхъ мелочей, дѣлѣ можно было легко промахнуться, проболтаться и малѣйшій пустякъ могъ разрушить цѣлый строго обдуманный планъ дѣйствій.

Прежде всего Лисафа рѣшила понемногу „надоумить“ тонко, искусно, княгиню насчетъ брака Абрама съ Мариночкой, заставить ее желать этого и начать дѣйствовать на князя... Во-вторыхъ, она рѣшила на всякій случай войти въ дружбу съ Завьяловой, у которой все чаще бывала Патрикѣевна. А для отвода глазъ, чтобы подслужиться къ доброй и наивной Аннѣ Тихоновнѣ, надо поднять рѣчь о Никушѣ, его бракѣ съ Мариночкой.

Однажды Лисафа явилась вечеромъ въ гости къ Аннѣ Тихоновнѣ Завьяловой и не мало удивила женщину, такъ какъ никогда такимъ образомъ не являлась.

— Удивилась, матушка Анна Тихоновна?—начала Лисафа. — А вотъ я вамъ все объясню. Давно уже я думаю, почему это мы съ вами будто какъ не въ ладахъ. Причины на это нѣтъ никакой, вѣдь, дѣлить намъ съ вами нечего. Была разъ непріятность между вашимъ Никитой Григорьевичемъ и моимъ шалымъ Абрашкой, но, вѣдь, это было давно, они и помирились потомъ. А такъ между нами ничего особенно худого никогда не было. Такъ-ли я сказываю?

— Оно точно, — кротко отозвалась Завьялова,—да мы съ вами и не враждуемъ.

— Ну, а все-таки видимся рѣдко и вы ко мнѣ не ходите, да и я не бываю. Давайте-ка, заживемъ на другой ладъ. Говорю вамъ, дѣлить намъ нечего.

— Да я всей душой готова, — отозвалась Анна Тихоновна.

— Ну, вотъ такъ-то и хорошо. Поцѣлуемся!—Женщины расцѣловались, а затѣмъ Лисафа продолжала: — я даю такую божбу, что я противъ васъ ничего не имѣла, худого вамъ ничего не дѣлала, зла никакого не причиняла, да и впредь ничего таковаго учинить не могу, потому что, по правдѣ сказать, и нужды никакой въ этомъ нѣтъ. Отъ природы я не злая. Бываетъ, что вражески къ кому отнесусь, но, вѣдь, больше потому, что этотъ человѣкъ мнѣ врагъ и есть. Всѣ мы грѣшны, а чтобы я поступила когда, злобствуя на человѣка, который мнѣ худого ничего не дѣлалъ, этого никогда не бывало.

Анна Тихоновна слушала, удивляясь, покуда Башкирова говорила, и, наконецъ, какъ и слѣдовало при ея характерѣ, она подумала:

„Чудно это! почему я ея не долюбливала? Какъ есть добрая, сердешная. А все братъ, должно быть, не походя ее ругаетъ, вотъ и меня настроилъ“.

Поболтавъ около получаса о всякихъ пустякахъ, Лисафа заговорила объ „анделѣ красоты и кротости“, Маріаннѣ Павловнѣ. Разумѣется, обѣ женщины оказались одного мнѣнія и обѣ начали ахать и восторгаться, что за удивительная барышня Мариночка. По-

немногу Башкирова перешла къ тому, что князь уже подумываетъ о замужествѣ опекаемой имъ дѣвушки.

— Мудрено только ее выдать замужъ-то, — сказала Лисафа. — Князь Андрей Григорьевичъ желаетъ, чтобы она была женою такого человѣка, у котораго семья — хорошіе люди, добрые, а не давать ея на растерзаніе какой-нибудь злючей свекрови, которая ее загоняетъ и замучаетъ. А хоть и не мала Москва, а поди-ка, разыщи такое дворянское семейство.

— Ну, какъ-же Елизавефа Давыдовна, — замѣтила Завьялова,—ужъ будто нельзя въ Москвѣ-то во всей найти такую почтенную семью?

— Нельзя, матушка Анна Тихоновна. Это такъ кажется. Я знаю хорошо, сама княгиня мнѣ говорила, что князь искалъ и ищетъ, но, прямо сказать, хоть шаромъ покати, нѣту такихъ. Ужъ онъ подумывалъ ѣхать въ Питеръ, тамъ не найдется-ли. — Помолчавъ немного, Башкирова заговорила какимъ-то совершенно равнодушнымъ голосомъ, какъ-будто думала о чемъ другомъ или просто сознавала, что говоритъ о пустякахъ. — Да я вотъ поневолѣ въ это дѣло вмѣшалась тоже. Глядя, какъ князь хлопочетъ, княгиня тоже, я тоже, поскольку могу, хотѣла имъ помочь. Вотъ тотъ разъ я докладывала княгинѣ, чего они ищутъ все жениховъ для Маріанны Павловны въ дворянахъ московскихъ видныхъ да богатыхъ, сановитыхъ; искали-бы просто какихъ ни на есть бѣдныхъ дворянъ. Вѣдь, все дѣло-то въ томъ, что нельзя ее выдать замужъ за купца какого, а мало-ли въ Москвѣ дворянъ, которые почтенны, а только не богаты? Пришло мнѣ на умъ, Анна Тихоновна, такое дѣло, что вы сначала ахнете, а потомъ, понятно, со мной согласитесь. Знаете, что было-бы и умно, и полезно? Знаю я такого молодого человѣка, который князю не чужой, а обстоятельства такія сходятся, что князь могъ-бы устроить счастье Маріанны Павловны и счастье этого самаго молодца, ему близкаго, и свое собственное. Знаете-ли вы, про кого я говорю?

— Не могу я знать, Елизавефа Давыдовна.

— Анъ, вотъ и можете. Подумайте-ка и догадайтесь!

— Не знаю.

— Не хотите подумать. Раскиньте-ка мыслями, кто такой князю близкій человѣкъ, молодой, изъ себя красивый, сердечный, такъ что его всѣ любятъ?

— Не знаю.

— И живетъ онъ въ одномъ домѣ, почитай, съ княземъ. Не догадались?

— Нѣту, матушка Елизавефа Давыдовна.

— Ну, хорошо. Еще прибавлю. Молодецъ этотъ самый — родственникъ князя и близкій, только боковой. Князь-то прозывается Ягузинскій, а молодецъ прозывается почти такъ-же, капельку на другой ладъ.

Анна Тихоновна удивленными глазами поглядѣла въ лицо гостьи, хотѣла что-то сказать, но будто не рѣшилась.

— Что-же? Да говорите, догадались?

— Нѣтъ, Елизавефа Давыдовна, мнѣ сдается что-то, да только, я думаю, это я зря.

— А вотъ и не зря. Говорите-ка, на кого вы думаете?

— Да, право-же, не знаю, — смущаясь, отозвалась Завьялова.

— Что-же съ вами будешь дѣлать, опять то-же все повторю: молодецъ — красавецъ, близкій родной князя Андрея Григорьевича, живетъ у него въ домѣ, могъ-бы его и дядюшкой назвать.

— Ну, мой, что-ли, Никуша?

— Ну, слава Богу! Понятно, вашъ Никуша.

— Такъ, но только я ничего, Елизавефа Давыдовна, не соображу. Вѣдь, вы говорили-то о чемъ? о женихахъ для Маріанны Павловны, а теперь заговорили о Никушѣ. Вотъ тутъ ничего и не разберешь.

Лисафа разсмѣялась, стараясь смѣяться добродушно, но смѣхъ ея, какъ и всегда, былъ какой-то сухой, звенящій.

— Вотъ именно, Анна Тихоновна. Чѣмъ вашъ Никита Григорьевичъ—не пара для барышни Зоричъ?

— Что вы, что вы, Елизавефа Давыдовна? Какъ-же это можно? Мы — простые приживальщики, да и онъ, бѣдный мой Никуша, не въ законѣ. Вѣдь, его мать, какъ вамъ извѣстно, въ церкви не вѣнчалась.

И Анна Тихоновна, произнеся послѣднія слова печальнымъ голосомъ, опустила глаза.

— Все это — пустяки, Анна Тихоновна, прямые пустяки. Захочетъ князь, онъ можетъ такое сдѣлать, что вы диву дадитесь, какъ я скажу. Поѣдетъ князь въ Петербургъ да, съ согласія своей опекаемой Зоричъ, затратитъ тамъ съ десятокъ тысячъ, похлопочетъ у важныхъ людей, и когда вернется, то привезетъ съ собой такія бумаги или грамоты, по коимъ окажется вдругъ, что онъ усыновилъ вашего Никиту Григорьевича и объявляетъ его своимъ наслѣдникомъ и женихомъ Маріанны Павловны. Что на это скажете?

Анна Тихоновна подняла глаза на Лисафу и лицо ея выразило крайнее изумленіе, а черезъ секунду выраженіе измѣнилось и она какъ-то робко и боязливо глядѣла на гостью. Завьялова чего-то испугалась; ей показалось, что предъ ней сидитъ за столомъ не приживальщица Башкирова, барская-барыня и любимица княгини, а сидитъ и явилось какое-то наваждѣніе, сидитъ дьяволъ-искуситель, самъ сатана. Слова Лисафы такъ сильно подѣйствовали на кроткую женщину, что она сразу сильно встревожилась. Ей почудилось или почувствовалось, что эта Лисафа подговариваетъ ее на какое-то преступное дѣло и что надо поскорѣе отъ нея отмахнуться, избавиться: только въ бѣду втянетъ эта искусительница. И, собравшись съ духомъ, Завьялова выговорила:

— Господь съ вами, Елизавефа Давыдовна, какъ это можно эдакое говорить? какъ эдакое на умъ могло придти? Да, помилуй Богъ, дойдетъ эдакое до князя съ княгиней, такъ бѣда будетъ. Вотъ вамъ-то ничего, а мнѣ-то, пожалуй, прямо бѣда. Выгонятъ меня отсюда съ сыномъ и съ братомъ, вотъ и ступай по міру. Да и тѣхъ, что у меня за княземъ, маленькихъ денегъ, онъ можетъ не отдать въ наказаніе.

— Ну, а что вы скажете, Анна Тихоновна, если я вамъ довѣрчиво признаюсь, что сама княгиня объ эдакомъ со мной говорила, и если ей не кажетъ оно дѣломъ худымъ, то почему-же вы-то его худымъ полагаете?

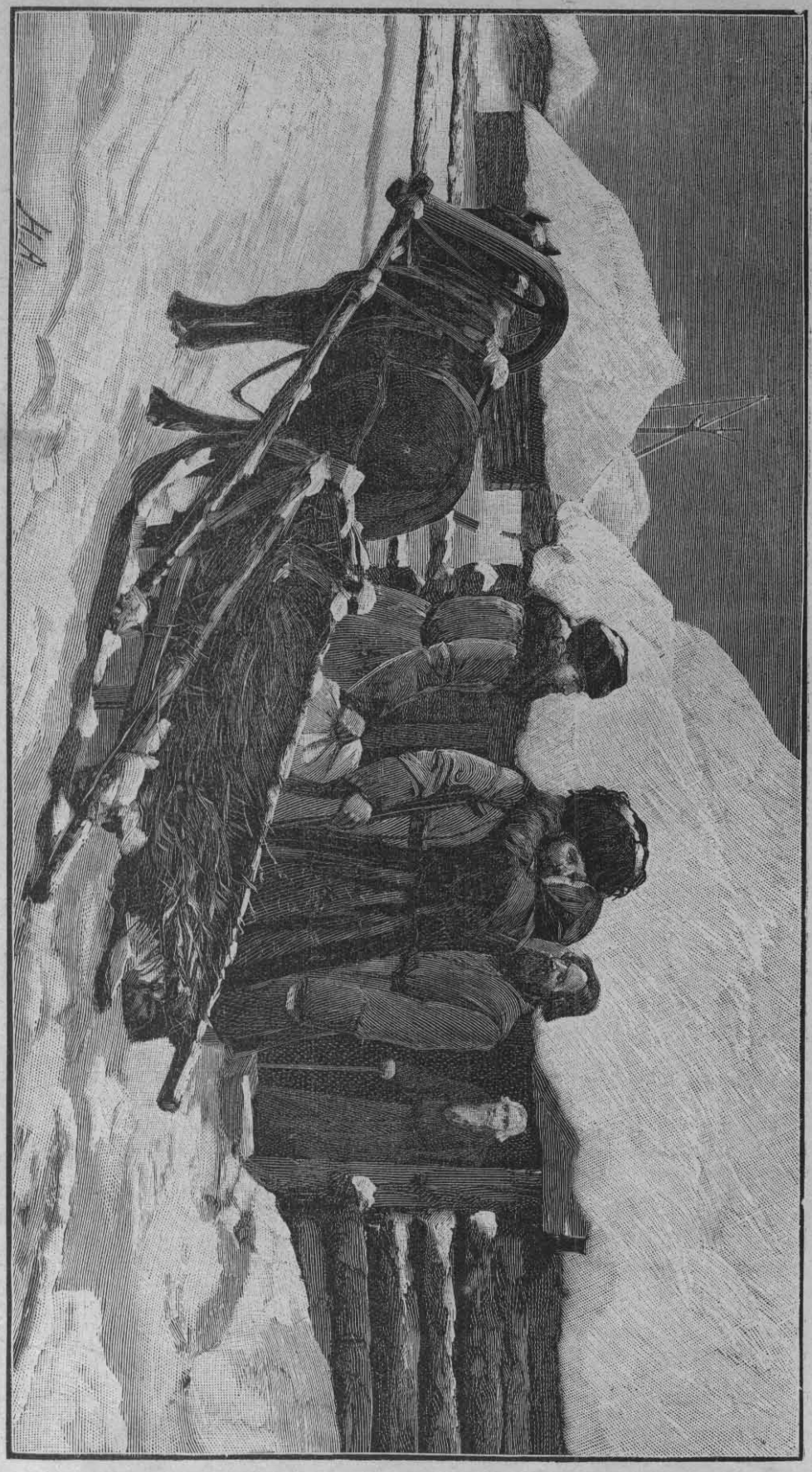
— Сама княгиня? — удивилась Завьялова.

— Именно. Мы съ ней уже разка два-три объ эдакомъ говорили и она сказываетъ, почитай, то-же, что и я. Вѣдь, это — не шутка, коли царица такую бумагу подпишетъ: „быть родному племяннику Андрея Григорьевича тоже княземъ Ягузинскимъ“. Есть такіе законы, разрѣшающіе усыновлять. Даже чужого можно усыновить и все иждивеніе свое отдать, а, вѣдь, тутъ не чужой, тутъ родной племянникъ.

— Охъ, полноте, полноте! — боязливо выговорила Завьялова. — Нѣтъ ужъ, Бога ради, вы со мной такихъ рѣчей не ведите.

Башкирова ушла отъ кроткой и искренней женщины, думая злобно:

„Кривляешься ты, что-ли, или въ правду блаженная? Ну, да полегоньку я тебѣ въ голову втемяшу это желаніе, будешь ты у меня и во снѣ грезить про этотъ бракъ сына. А тамъ и орудовать начнешь“.



ВОЗВРАЩЕНІЕ РАНЕНАГО СЪ ВОЙНЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ. Ориг. рис. **Н. Адамовича**; грав. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

XXIII.

Москвичи, говорившіе, что князь будетъ запускать руки въ сундучекъ молоденькой Зоричъ, ошиблись: этого не случилось. Случилось то, что они предполагать не могли, а равно не могъ предполагать и самъ князь Ягузинскій. Онъ не запустилъ рукъ, а взялъ этотъ сундучекъ, перевернулъ его кверху ногами, высыпалъ все на полъ, а затѣмъ сталъ разсыпать кругомъ себя.

Иначе говоря, князь не только сталъ пользоваться состояніемъ опекаемой имъ Зоричъ, а широко растрачивалъ, не стѣсняясь ничѣмъ, никакими соображеніями.

Прошло немного времени съ того дня, что онъ сталъ опекуномъ, а уже продалъ большую вотчину въ Саратовской губерніи и крупный кушъ, полученный за нее растратилъ на всякія затѣи въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Даже княгиня была смущена.

— Эдакъ, голубчикъ, нельзя, заявила она.—Ты ужъ очень размахнулся, вѣдь, эдакъ все состояніе Мариночки уйдетъ въ одинъ годъ.

Князь сталъ, конечно, противорѣчить женѣ и говорить, что ему нужно только уплатить кое-какіе свои долги, самые тяжелые, но что впредь онъ ничего подобнаго дѣлать не будетъ.

А, между тѣмъ, княгиня знала, что онъ уже ведетъ переговоры о продажѣ другой вотчины Зоричъ въ какой-то другой губерніи, которая должна дать еще большую сумму.

Когда она стала снова говорить съ мужемъ и убѣждать его быть поскромнѣе, то князь все отмалчивался и, наконецъ, произнесъ:

— Не могу я, голубушка моя, ну, прямо не могу.

— Чего не могу?

— Не могу я, знаючи, что есть гдѣ деньги, что стоитъ только протянуть руку... и сидѣть, не двигаться! Прямо не могу.

— Такъ, вѣдь, эдакъ всѣ вотчины уйдутъ одна за другой.

— Всѣ не всѣ, а только еще одну-двѣ продамъ. Надо мнѣ выпутаться самому изъ своихъ долговъ.

Княгиня замѣтила на это, что мужъ, собственно, долговъ не уплачиваетъ, а только зря тратитъ то, что получаетъ.

Вскорѣ княгиня Елизавета Петровна, узнавъ, что дѣло о продажѣ другой вотчины налаживается, что не нынче-завтра князь опять получитъ крупную сумму денегъ, которыя точно такъ-же быстро растратитъ, рѣшила удостовѣриться: нѣтъ-ли какого на этотъ счетъ закона? до какой степени опекунъ можетъ быть самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ?

Единственный человѣкъ, къ которому она могла за этимъ обратиться, былъ, конечно, Миничъ.

И вотъ однажды вечеромъ, пользуясь отсутствіемъ князя изъ дому, она позвала приказнаго и завела рѣчь объ интересующемъ ее вопросѣ. Миничъ сначала отвѣчалъ двусмысленно, какъ-то ежился, не желая сказать правду. Княгиня, наконецъ, разсердилась и набросилась на приказнаго:

— Что-же ты, старый чертъ, не хочешь ничего сказать? Я тебя за дѣломъ позвала, ты одинъ можешь все мнѣ разъяснить. Чего ты жмешься? Заплатить, что-ли, тебѣ за совѣтъ? Такъ изволь, заплачу.

— Что вы, матушка княгинюшка, я васъ такъ давно знаю и люблю, что могу вамъ служить безвозмездно. А что касается до всего этого, что вы изволите спрашивать, такъ позвольте ужъ отвѣчать правду. Разрѣшите, я и заговорю.

— Вѣстимо, разрѣшаю. Зачѣмъ-же я тебя и позвала?

— Такъ вотъ, изволите видѣть. Вы спрашиваете, имѣетъ-ли по россійскому уложенію всѣхъ статей князь Андрей Григорьевичъ законное право продавать имущество опекаемой имъ барышни и тратить на себя? Доложу вамъ, что, конечно, никоего права и никакой законности на это ему не предоставляется. Во всѣхъ своихъ опекунскихъ дѣлахъ князь долженъ будетъ отдать отчетъ. Когда, къ примѣру, барышня Маріанна Павловна выйдетъ замужъ, то ея будущій супругъ или родители его попросятъ у князя разъясненія всѣхъ дѣлъ: какъ, что, куда дѣвалось? зачѣмъ онъ продалъ какую вотчину и какія деньги получилъ и куда ихъ дѣвалъ? И вотъ изволите видѣть, если окажется, что князь распоряжался чужимъ иждивеніемъ, какъ-бы своимъ собственнымъ, то онъ долженъ быть отвѣтственнымъ, будутъ его судить и присудятъ...

— Какъ присудятъ? — воскликнула княгиня.

— Вѣстимо, присудятъ, заставятъ отдать все, что взялъ.

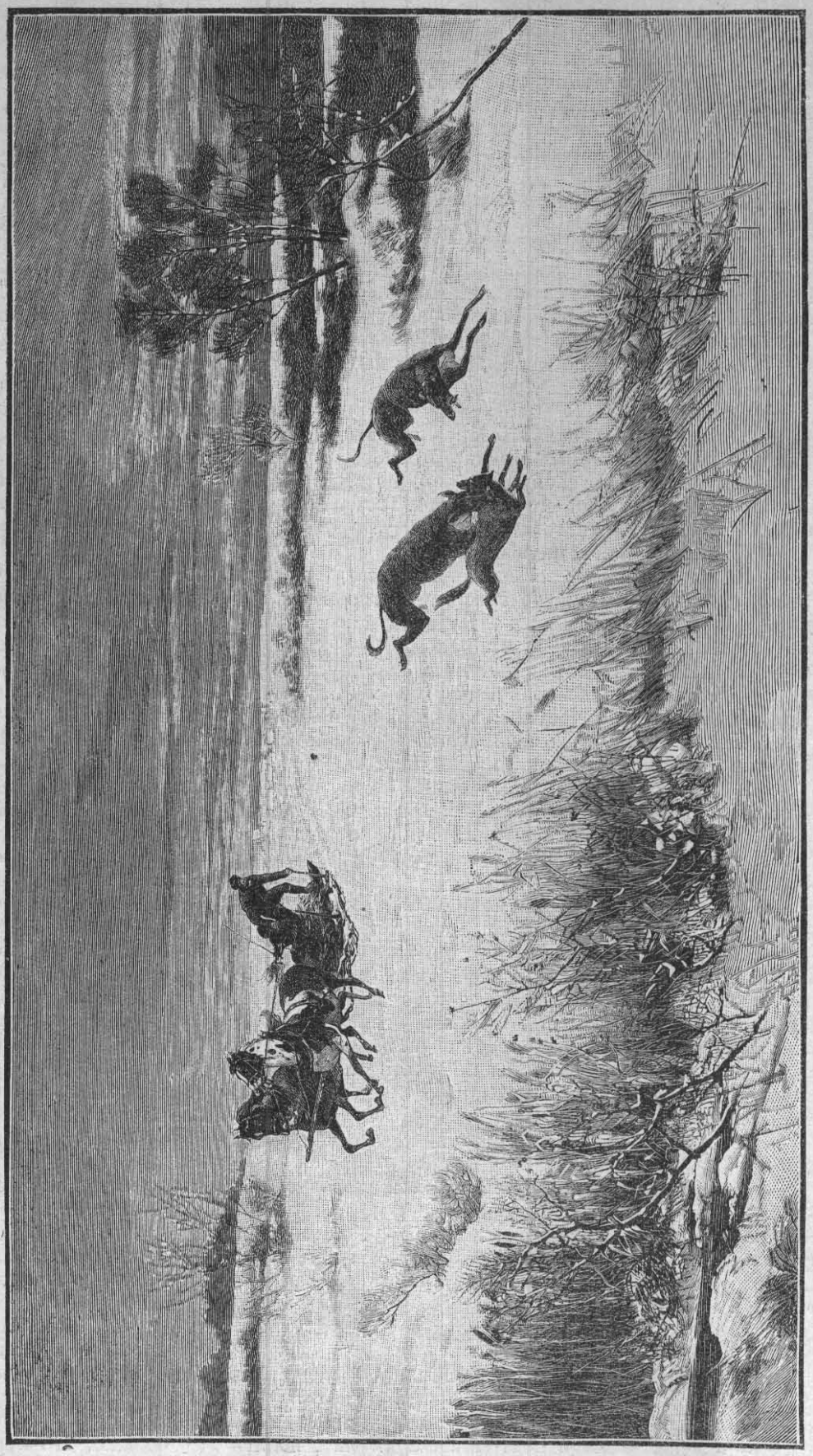
— Да нешто мы можемъ это? У насъ и не хватитъ отдать.

— А не хватитъ, будутъ его судить, извините, матушка княгинюшка, за преступленіе.

— И что-же тогда будетъ?

— Да ужъ не могу вамъ сказать, можетъ, и въ яму посадятъ.

— Какъ въ яму? — вскрикнула княгиня. И, такъ какъ Миничъ молчалъ, она снова вскрикнула: — какъ въ яму? да говори-же, старый колдунъ! Какъ въ яму?



ОХОТА ЗИМОЮ. Съ картины **К. Вирушъ-Ковальскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

— Да ужъ такъ. Въ яму.

— Князя, важную особу? Ошалѣлъ ты?

Миничъ молчалъ.

— Да говори-же, старый чертъ! — вспыхнула княгиня.

— Да что-же говорить? Я ужъ сказалъ. Важная особа или не важная, это все равно... Вы извольте себѣ представить, что вотъ вы, сіятельная княгиня, возьмете да кого изъ своихъ знакомыхъ ножомъ пырнете. Васъ будутъ судить, какъ если-бы вы были просто крѣпостная женщина. Такъ и въ этомъ дѣлѣ: и князь, и важная особа, и все такое, а, тѣмъ не менѣе, поступилъ неправильно и долженъ идти подъ судъ.

— Что-же тутъ дѣлать теперь? — спросила княгиня.

— Да я ужъ, право, не знаю.

— Какъ-же ты не знаешь? Ты — законникъ, ты долженъ все знать. Какъ не знаешь? Спроси у другихъ. Не знаютъ другіе, самъ что выдумай.

Миничъ задумался, а затѣмъ рѣзко произнесъ:

— Да тутъ, княгинюшка, другого выхода нѣтъ, только одинъ.

— Какой-же?

— А вотъ выдать замужъ Маріанну Павловну за такого человѣка, который никакого отчета отъ князя требовать не будетъ; получитъ, что есть, и будетъ молчать, никакого дѣла не подыметъ. Тогда спасеніе. А, коли не это, никакого спасенія нѣтъ.

— Да это-же почти невозможно!

— Нѣтъ, отчего-же? возможно. Найдите Маріаннѣ Павловнѣ такого будущаго супруга, который-бы заранѣе обѣщался съ вами не тягаться и князя въ покоѣ оставить. Это дѣло не мудреное.

— По нашему-то времени? — воскликнула княгиня. — Это хорошо было въ другое время, когда люди на свѣтѣ были честнѣе, а теперь воръ на ворѣ, мерзавецъ на мерзавцѣ, завистникъ на завистникѣ. Какъ-же теперь найти такого человѣка?

— А другого ничего, княгинюшка, нѣтъ. Вы вотъ подумайте о томъ, что я говорю, и князю скажите. А то лучше посовѣтуйте ему за мной послать, мы вмѣстѣ потолкуемъ втроемъ, можетъ быть, что и выдумаемъ.

— Хорошо,—нерѣшительно произнесла княгиня,— я ему скажу. Только мудрено.

— Не думаю я этого, княгинюшка, не думаю, чтобы во всей-то Москвѣ, а то хотите, даже скажу, не только въ Москвѣ, а по всей-то Россіи, да не найти такого жениха, съ которымъ нельзя было-бы это дѣльце устроить. „Вотъ тебѣ богатѣйшая невѣста, жена, а ты впередъ обѣщайся получить за нею вотъ столько-то, а, чего не хватаетъ, о томъ обѣщайся молчать“.

— А ну какъ онъ откажется потомъ отъ своихъ словъ?

— Не откажется. Мы бумажку напишемъ—такую бумажку, которая все покрываетъ. Сама Маріанна Павловна предъ замужествомъ эдакую дарственную отпись сдѣлаетъ, якобы за всѣ хлопоты и заботы своего опекуна — ему магарычъ. А подарила — и концы въ воду.

XXIV.

Между тѣмъ, любимецъ и повѣренный князя Евсѣичъ хлопоталъ по двумъ важнымъ дѣламъ. Одно изъ нихъ было новое. Теперь уже не приходилось дѣлать то, что бывало постоянно, а именно, искать небольшой суммы взаймы для уплаты процентовъ; приходилось искать покупателя на большую вотчину; и не иначе, какъ на чистоганъ. Второе дѣло было заурядное, давно повторявшееся разъ въ годъ или въ полтора — замѣна одной прелестницы другою.

Покупка степной дѣвушки дворянина Измайлова, которая прельстила недавно князя, была уже Евсѣичемъ обдѣлана, и приходилось только продать Файку. Двухъ пріятельницъ одновременно князь въ домѣ не терпѣлъ, такъ какъ однажды пребываніе такихъ двухъ фаворитокъ повело къ срамной исторіи.

Княгиня, давно привыкшая къ этому явленію въ домѣ, не обращала на него никакого вниманія и даже не любила говорить объ этомъ со своей любимицей Лисафой. Каждый разъ, что Лисафа заговаривала о какой-либо прелестницѣ, княгиня Елизавета Петровна отзывалась всегда одними и тѣми-же словами:

— Ну, ихъ! И разговорами о нихъ мараться не хочу.

Теперь продажа Файки, быть можетъ, впервые сдѣлалась вдругъ дѣломъ мудренымъ. Евсѣичъ удивлялся и призадумывался. Въ дѣло нежданно впуталась энергичная и упрямая Башкирова.

Произошло это потому, что Миляй, въ отчаяніи, что его возлюбленная должна будетъ покинуть домъ князя, умолялъ своего пріятеля Абрама помочь горю. Абрамъ, разумѣется, съ тѣми-же мольбами обратился къ матери.

Такъ какъ Лисафа ни въ чемъ никогда не могла отказать своему любимцу, то рѣшилась всячески хлопотать и ухищряться, чтобы Файка не была продана и, переставъ быть любимицей князя, все-таки осталась въ домѣ.

Это было крайне мудрено. Прелестницы князя, которыя чередовались и которымъ давно вся дворня и счетъ потеряла, были на особомъ положеніи: ихъ появленіе и исчезновеніе зависѣли исключительно отъ самого князя.

Планъ Лисафы былъ простой, но въ то-же время и почти неисполнимый. Надо было потратить много краснорѣчія, чтобы убѣдить княгиню вмѣшаться въ дѣло, убѣдить въ томъ, что Файка — дѣвушка примѣрная, умная, работящая, честная и степенная, какихъ нѣтъ, а затѣмъ — убѣдить княгиню въ томъ, что она, Лисафа, въ качествѣ главной управительницы, на рукахъ которой все хозяйство, уже постарѣла, устала и что ей нужна помощница, а, помимо такой дѣвушки, какъ Файка, найти невозможно.

Раза два-три заговаривала Лисафа съ княгиней о дѣлѣ. Первый разъ княгиня отозвалась обычными словами, что она не желаетъ „въ таковомъ мараться“; во второй разъ она выслушала Лисафу и согласилась, что любимица становится стара и что ей нужна помощница. Въ третій разъ, будучи въ духѣ, княгиня обѣщалась поговорить объ этомъ съ мужемъ и „помараться“ ради Лисафы.

Во всѣхъ дѣлахъ, самыхъ серьезныхъ, всегда, чуть не съ перваго дня замужества, княгиня дѣлала, что хотѣла, и заставляла мужа себѣ повиноваться. Единственно о чемъ они никогда не говорили, было все, касавшееся до этихъ очередныхъ прелестницъ. И это было единственное дѣло, ради котораго заговаривать съ мужемъ претило княгинѣ. Евсѣича, конечно, поразило вмѣшательство въ дѣло Лисафы Давыдовны, а затѣмъ и самой барыни. Онъ надѣялся на продажѣ красивой Файки нажить еще болѣе, чѣмъ на покупкѣ дворовой дѣвушки господина Измайлова. Если-бы Файкѣ удалось остаться въ домѣ, то Евсѣичъ терялъ довольно порядочный кушъ.

Однако, это первое затрудненіе вскорѣ уладилось. Если Лисафа краснорѣчиво науськивала свою барыню на князя, то и Евсѣичъ не менѣе искусно дѣйствовалъ на князя. Прежде чѣмъ княгиня собралась говорить съ мужемъ, пронюхавшій обо всемъ Евсѣичъ уже предупредилъ и разсказалъ князю все, что тайно

готовится въ домѣ. При этомъ онъ, конечно, очень искусно изобразилъ князю впередъ все, что якобы приключится. Основой его краснорѣчія было нѣчто такое, чему могъ повѣрить только такой наивный старикъ, какъ князь. Евсѣичъ не сталъ говорить о томъ, что двѣ дѣвушки-прелестницы — одна прежняя, другая новая — будутъ почему-либо неудобны. Онъ убѣдилъ князя, что онѣ обѣ станутъ ревновать его другъ къ другу и что именно изъ-за этой ревности и произойдетъ такой-же крупный скандалъ, какой былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Вѣдь, вы подумайте, ваше сіятельство, — говорилъ Евсѣичъ, — Фаина отъ васъ безъ ума, безъ памяти. Дѣвушка Маланья тоже вскорости будетъ отъ васъ безъ ума. Ну, вотъ между ними и произойдетъ сейчасъ всякая канитель. Какъ бабы, да еще молодыя, ничего не смыслящія, онѣ могутъ вдругъ поднять такой дымъ коромысломъ, что не въ одномъ нашемъ домѣ будетъ срамное происхожденіе. Такъ аукнется, что и по всей Москвѣ откликнется.

И, конечно, Евсѣичъ такъ настроилъ князя, что тотъ приготовился къ сраженію съ женою.

Черезъ нѣсколько дней между княземъ и княгиней произошла ожидаемая бесѣда. Она была мирная, но довольно странная, своеобразная. Лисафа, знавшая, о чемъ будутъ говорить поутру господа, сдѣлала то, что дѣлала очень часто, т. е., не затворила двери въ маленькую гостиную княгини и осталась за дверью слушать.

Это подслушиваніе не только господъ и ихъ гостей, но и дворовыхъ, кого-бы то ни было, даже конюховъ или поварятъ, было любимымъ занятіемъ Лисафы. Это подслушиваніе приносило ей огромную пользу. Вслѣдствіе этого она и знала всю подноготную почти всего, что происходило въ домѣ.

Князь, явившись къ женѣ, поздоровался съ ней, поцѣловался, спросилъ, какъ всегда, хорошо-ли она проночевала ночь, и сѣлъ противъ нея, у столика, на которомъ княгиня всегда пила чай. Онъ началъ говорить о томъ, что думаетъ продать и преобразовать въ капиталъ еще одну очень дальнюю вотчину около Пензы, принадлежащую Мариночкѣ.

— Ну, что-же, — отозвалась княгиня. — Преобразуй! Теперь тамъ земля, мужики, оброкъ, поди, и барскій домъ, гдѣ всякаго такого скарба и рухляди во множествѣ. А вотъ какъ преобразуешь, то вмѣсто всего этого вѣтеръ будетъ.

— Какой-же, то есть, вѣтеръ? — спросилъ князь, совершенно не понявъ смысла изреченія своей супруги.

— Вѣтеръ, — повторила княгиня. — Неужто не знаешь? Случалось тебѣ чувствовать, какъ вѣтеръ дуетъ въ лицо, что-ли?

— Бывало, матушка; бываетъ всегда.

— Ну, вотъ. А руками схватывалъ его?

— Какъ можно! — разсмѣялся князь.

— Въ карманъ клалъ его? — такъ-же однозвучно продолжала княгиня.

— Что вы? Признаться, я и не пойму совсѣмъ, что вы сказываете.

— А сказываю я, что когда ты пензенскую вотчину преобразуешь, то останется одинъ „пшикъ“. Сказываютъ, одинъ кузнецъ за такой пшикъ съ нѣмца сто рублей взялъ. Да, вѣдь, то присказка. А за твой пшикъ и ста алтынъ не дадутъ. Слыхалъ ты про этого кузнеца?

— Ничего не слыхалъ, — угрюмо отозвался князь.

— Чудно, малыя дѣти и тѣ знаютъ. Такъ вотъ, слушай!

(Продолженіе будетъ.)

Изъ дневника.

Волнуютъ въ насъ чувства горячія кровь;
То счастье въ нихъ дышитъ, то миръ и любовь,
И дивную сладость надеждъ, упованья
На мигъ лишь смѣняютъ тоска и страданье.
Но только постигъ насъ ударъ роковой
Судьбы безпощадной, жестокой, слѣпой—
Погибли надежды и свѣтлыя грезы,
Остался только страданья да слезы;
И, какъ насъ грядущимъ судьба ни мани,
Надеждъ не вернутся отрадные дни...
И въ жизни повсюду мы видимъ обманъ,
Гдѣ истины—капли, но лжи—океанъ...

И. К. Коробовъ.

ЦВѢТЫ.

Набросокъ **Андрея Ростовцева.**

Короткія зимнія сумерки подвигались быстро и окутывали угрюмый домъ въ одномъ изъ переулковъ Васильевскаго острова.

По черной лѣстницѣ, неопрятной и скользкой отъ грязи, взбиралась деревенская женщина, очевидно, прислуга, неся корзину, изъ которой выглядывали разные свертки, кусокъ замороженнаго мяса и нѣсколько бутылокъ. Тяжело переведя дыханіе, она остановилась около двери, обитой зеленою клеенкою, и дернула за звонокъ, хрипло заѣвшій внутри квартиры.

Дверь отворилась и, обгоняя женщину, ворвалась тонкая струя бѣлаго пара. Въ маленькой кухнѣ, составлявшей одновременно и прихожую крохотной квартирки, пахло керосиномъ и чувствовался также острый запахъ «бензинки».

Тамъ суетилась высокая, худая квартирная хозяйка съ добродушнымъ, ласковымъ лицомъ.

— Маланьюшка, ты все принесла? — тихо спросила она.

— Принесла, принесла, барыня! — весело, скороговоркою отвѣтила Маланья.

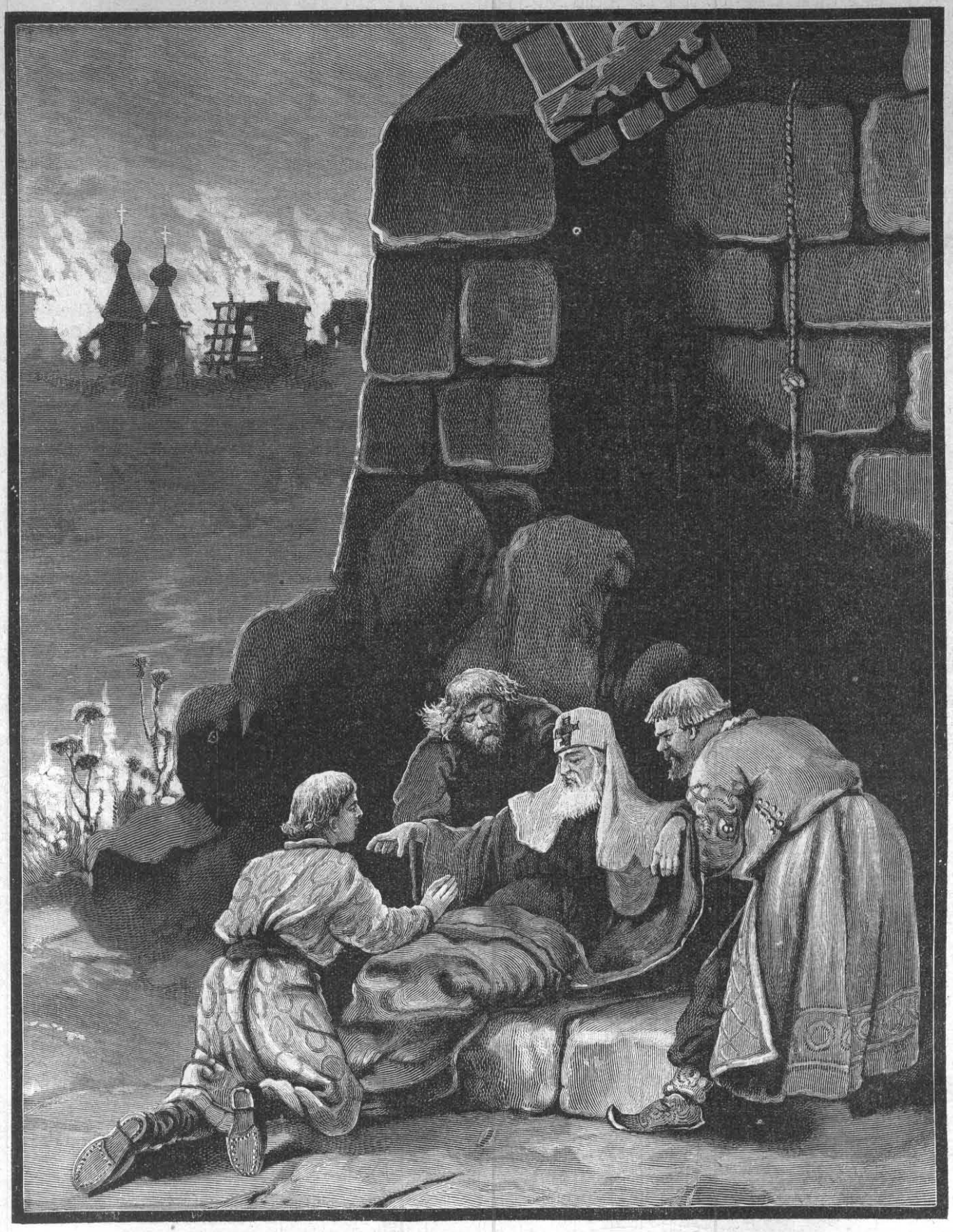
Положивъ корзину на кухонный столъ, она поплелась въ свой уголъ, гдѣ при скудномъ свѣтѣ керосиновой лампочки въ корридорѣ виднѣлись кровать съ цѣлою горою подушекъ и большой сундукъ, подъ которымъ въ углу висѣла ярко вычищенная, украшенная вербочками икона.

Зѣвая и охая, Маланья кончила процедуру раздѣванія и стала возиться около самовара.

— Ну, и слава Богу... Нонче прибрались и къ празднику приготовились. Значитъ, праздникъ встрѣтимъ, какъ слѣдуетъ быть. Авось, Господь дастъ, жизнь лучше будетъ нонѣшняго,— обратилась она, все еще охая, къ хозяйкѣ. — И дивлюсь я на васъ, право, матушка-барыня, — продолжала она, — какая вы все веселая. Наше житье-бытье какъ-быдто вамъ нипочемъ... Хуша и дура я, баба деревенская, но понимаю я, что не такъ-бы вамъ жить да съ жильцами возиться... Толку-то съ нихъ мало, голь перекатная. Иной разъ и въ толкъ не возьму, за что вы, милая барыня, привѣтъ имъ и ласку дарите, пригрѣете, приласкаете какого-нибудь голыша, а онъ, смотришь, въ благодарность-то, значитъ, съ квартиры съѣдетъ, не заплатимши. Понятіевъ настоящихъ нѣту. Святая вы, милая барыня, святая... А свѣтъ-то нонче плохъ сталъ. Нечего вѣрить всякому проходимцу, зря чужихъ-то жалѣть! Себя-бы пожалѣли, — философствовала Маланья.

— Полно, полно, Маланьюшка! Ты у меня совсѣмъ пресси

ПРЕДЪ УХОДОМЪ ВЪ ШКОЛУ. Съ картины **М. В. Малова** гравир. для „Родины“ **Б. Нуцъ.**



СПАСЕНІЕ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА МОСКВЫ ВЪ 1547 г.
Ориг. рис. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

мисткою стала.. Зачѣмъ такъ смотрѣть на людей?—ласково улыбаясь, проговорила Вѣра Романовна (такъ звали барыню).

Слово «пессимистка» неясно долетѣло до слуха Маланьи.

«Мудреное слово какое-то... и не разберешь... Ну, уже и умница наша барыня—никто краше ея не скажетъ», — соображала она.

Вѣра Романовна Зарницкая, хозяйка меблированныхъ комнатъ, для всѣхъ своихъ жильцовъ была ласковою матерью, для всѣхъ этихъ «маленькихъ» людей, изнывающихъ въ вѣчной борьбѣ за хлѣбъ насущный, изъ которыхъ преимущественно вербуется элементъ, населяющій столичныя дешевыя «меблирашки» - муравейники. Сколько неудачниковъ постоянно находили у этой доброй женщины пріютъ и ласку, когда, пришибленные житейскими невзгодами и неудачами, они являлись къ «матушкѣ» Вѣрѣ Романовнѣ! Не въ одну душу, наполненную, быть можетъ, тупымъ унынiемъ, она забрасывала лучъ солнца. Не разъ она дѣлилась послѣднимъ, избѣгая при этомъ благодарности. Иногда послѣдній рубль изъ ея тощаго портмонэ переходилъ въ руку бѣднаго жильца, не получившаго во-время своего скромнаго заработка, а она сама не знала, какъ завтра сведетъ концы съ концами.

Вѣра Романовна уже пятнадцать лѣтъ, послѣ внезапной смерти мужа, смиренно несла свой крестъ и никогда не роптала на судьбу. Приходилось не разъ забирать въ долгъ и у лавочника, и въ мясной. Прибѣгала Вѣра Романовна не разъ и къ ломбарду, куда, скрѣпя сердце, ею относились въ тяжелыя времена безденежья дамскіе часики.

Но потомъ опять наступали лучшіе дни. Опять часики съ медальончикомъ весело тикали на столикѣ. Съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ относила Вѣра Романовна долгъ лавочнику, благодаря чему за нею установился престижъ кредитоспособной особы.

Вѣра Романовна давно свыклась съ тѣмъ маленькимъ мірком, который окружалъ ее, дѣлила радости и волненія всѣхъ жильцовъ, жила, дышала ими. Несмотря на всякія невзгоды и треволненія, налетавшія иногда черными тучами, этотъ крохотный уголокъ громаднаго пятиэтажнаго угрюмаго дома являлся тихою пристанью. Тамъ вѣяла поэтичная уютность, созданная на скромныя средства. Въ этихъ комнаткахъ, съ простенькими восьмикопеечными обоями, дешевенькими занавѣсочками, чувствовалась ласковая женская рука, умѣющая придать самому бѣдному уголку свѣтлый и радостный колоритъ.

А за стѣнами этого маленькаго обособленнаго мірка кипѣла суетная жизнь столицы, какъ далекій рокотъ бурнаго моря...

— Барыня, самоваръ-то поспѣлъ... подать прикажете?— улыбаясь во все свое широкое лицо, обратилась Маланья къ хозяйкѣ, которая все еще хлопотала въ кухнѣ.

— Подай, подай, Маланьюшка... Лидочка спѣшитъ... собирается на вечеринку къ подругѣ!—опять шепотомъ, какъ-будто боясь разбудить кого-то, отвѣтила Вѣра Романовна.

Вдругъ дверь отворилась, и изъ комнаты въ кухню выпорхнула дѣвушка лѣтъ восемнадцати въ простенькомъ коричневомъ платьѣ, худенькая, миніатюрная, съ сѣрыми нервными глазами, обрамленными и длинными темными рѣсницами.

Вся ея молодая фигурка дышала жизнерадостностью, ласково улыбались глаза въ свѣжемъ и задорномъ личикѣ.

— Мамуся, я чаю хочу!— полукапризно прощебетала она.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой ангелъ! — и Вѣра Романовна ласково прильнула губами къ хорошенькой головкѣ дочери.

— Что, небось, завидуешь мнѣ... Самой поѣхать хочется да повеселиться?.. — весело обратилась Лидочка къ Маланьѣ.

— Эхъ, гдѣ мнѣ, старухѣ? Вѣкъ свой отжила, какое тутъ веселье! Помолюсь предъ святой иконой, чтобы Господь здоровье старушкѣ-барынѣ послалъ да счастья тебѣ, моя пташка. Эхъ, ты, моя куколка, моя баловница! Вонъ выросла на моихъ глазахъ, выровнялась, стройная какая стала!.. Богъ дастъ, и замужъ пора!..

— Что ты? что ты?— вся вспыхнувъ, сконфуженно роняетъ Лидочка.

— Полно, голубушка! Нешто не вижу? Давно подмѣчаю по глазамъ твоимъ, что приглянулся тебѣ чернобровый молодецъ. Охъ, не проведешь меня, старой! — любовно шепчетъ Маланья, глядя на свою любимицу.— Ну, что-жъ, дай Богъ, моя пташка!— съ этими словами она обычнымъ движеніемъ взялась за самоваръ и поплелась вслѣдъ за ускользнувшей въ комнату фигурой Лидочки.

Свѣтъ висячей лампы падаетъ во всѣ углы комнаты, придавая ей какую-то особенную уютность. Весело пыхтитъ самоваръ на столѣ и отчетливо тикаютъ часы. Дешевенькіе обои на стѣнахъ, бѣлыя занавѣсочки оконъ, чистая скатерть, покрывающая столъ,— все глядитъ чисто и весело. Розовая лампада съ тихимъ потрескиваніемъ горитъ предъ образомъ, и мягкіе лучи этого ласковаго свѣта слились съ болѣе рѣзкимъ свѣтомъ лампы.

— Лидуся, ты сегодня пораньше вернулась-бы,—обычнымъ тихимъ голосомъ произноситъ мать, и столько неизъяснимой ласки чувствуется въ ея словахъ! кажется, всю свою душу она вылила въ нихъ.

Съ безграничною любовью ея взглядъ скользитъ по русоволосой головкѣ дочери.

Комната, служащая одновременно и гостиной, и столовой, обставлена довольно уютно. Хорошенькое піанино и изящное трюмо, это — безмолвные свидѣтели былыхъ лучшихъ дней.

Несмотря на всякія невзгоды и нужду, Вѣра Романовна никогда не рѣшилась-бы разстаться съ этими вещами, съ которыми связаны свѣтлыя воспоминанія, воспоминанія о первыхъ дняхъ счастливаго брака, имя безгранично любимаго мужа. При взглядѣ на піанино она, кажется, видитъ знакомую фигуру мужа и слышитъ его мягкій, ласкающій голосъ. Онъ какъ-будто опять сидитъ за піанино и... «Задремалъ тихій садъ»,— поетъ пріятный баритонъ ея Бори; цѣлымъ роемъ воспоминаній налетаетъ на нее далекое прошлое, встаетъ миражъ счастливыхъ дней, развертываются свѣтлыя страницы ея жизни...

Окончивъ «чаепитіе», Лидочка быстро подошла къ піанино и небрежно взяла нѣсколько аккордовъ. Полились вкрадчивые звуки бетховенской музыки. Лидочка играетъ хорошо, съ душою.

А тамъ, въ другой крохотной комнаткѣ меблированнаго жилья съ потрепанной мебелью, хромымъ письменнымъ столомъ, узенькой желѣзной кроватью, съ замираніемъ сердца слушаютъ эти звуки.

Въ маленькой комнаткѣ было тихо. Василій Дмитріевичъ любилъ «сумерничать». Онъ лежалъ на старенькомъ продавленномъ диванѣ и думалъ о Лидочкѣ. Лежалъ онъ и боялся даже шевельнуться. Въ груди закипала слеза восторга... а тамъ, въ глубинѣ души, таился первый робкій романъ.

Маланьей былъ нанятъ извозчикъ и, по настоянію Вѣры Романовны, записанъ № возницы: мало-ли что можетъ случиться? Лидочка уѣхала къ богатой подругѣ по гимназіи.

Лидочку всѣ любили въ классѣ и она получала не мало приглашеній. Благодаря своему хорошенькому личику, ее всегда окружала цѣлая толпа юныхъ поклонниковъ: гимназистовъ и юнкеровъ.

Въ большой квартирѣ барскаго дома, съ комнатами въ стиляхъ Возрожденія и обоихъ Людовиковъ, собралось шумное общество.

Въ столовой со стѣнами изъ рѣзного дуба сидѣли элегантныя дамы. На столѣ въ хрусталѣ дрожали живые цвѣты. Вездѣ была замѣтна бьющая въ глаза роскошь.

На Лидочку повѣяло душистымъ теплом. Легко, свободно дышалось въ этой атмосферѣ богатства, и она на минуту забыла жалкія «мебли[illegible]ашки» на Васильевскомъ островѣ.

Когда тонкая, гибкая фигура Лидочки появилась въ дверяхъ столовой, всѣ взоры сразу обратились на нее, и Лидочка почувствовала, какъ на душѣ ея разлилась тихая радость...

Изъ зала уже раздавались вкрадчивые звуки вальса, и молодежь засуетилась.

Завертѣлись въ вихрѣ вальса. Какой-то ловкій юнкеръ во время вальса прикололъ къ груди Лидочки букетикъ живыхъ цвѣтовъ.

Она съ улыбкою посмотрѣла на своего ловкаго кавалера и бѣглымъ лучистымъ взглядомъ поблагодарила его. Въ душѣ она почувствовала свойственную всякой женщинѣ радость одержанной побѣды.

Лидочку проводилъ домой на извозчикѣ лакей.

Улицы покрывала сѣрая грязь. Слабо мерцали фонари сквозь туманъ.

Все казалось грязнымъ: и жалкій извозчикъ, и пѣшеходы, и сѣрое ночное небо, и нищій, сиплымъ голосомъ просившій «Христа ради».

Укутанная Лидочка сидѣла въ саняхъ и голову ея наполняли неясныя грезы. Она вспомнила красиваго юнкера и сейчасъ-же ощупала завернутые въ бумагу цвѣты.

Весело проведенный вечеръ наполнялъ ея душу дивными звуками, которые неслись въ душѣ, словно пѣснь, ликуя и радуясь, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, росло чувство какой-то смутной и странной тревоги...

— Тпррр! — остановилъ извозчикъ лошадь.

Важный лакей съ бакенбардами ловко выпрыгнулъ изъ саней, позвонилъ дворника и, когда тотъ вышелъ и открылъ калитку, опять ва[illegible]но усѣлся въ сани и сердито крикнулъ извозчику:

— Пшелъ!

Тихо и жалобно запѣлъ звонокъ. Вскочила испуганная Маланья и впустила Лидочку.

Дѣвушка тихо пробралась въ комнату, въ свое общее съ матерью гнѣздышко. Розовый фонарь освѣщалъ мягкимъ свѣтомъ спящую фигуру Вѣры Романовны.

Вотъ онъ, этотъ маленькій замкнутый мірокъ. Все здѣсь родное ей, благодаря присутствію любимой матери.

Тикаютъ неустанно и торопливо часики, подчеркивая тишину.

Въ глазахъ Лидочки свѣтятся безграничная любовь и нѣжность, когда она подходитъ къ спящей матери и, поправляя спадающій платокъ, тихо цѣлуетъ мать въ лобъ.

Все чужое было далеко въ эту минуту: и барскій домъ со своимъ блескомъ, съ китайской гостиной, съ гобеленами и валансьенскими кружевами.

Лидочка вспомнила, какъ всегда ей жутко и тѣсно становится у богатыхъ подругъ, въ этомъ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ вездѣ звучатъ фальшь и ложь.

Неужели весь смыслъ молодой, свѣжей жизни заключается въ пустыхъ фразахъ, банальныхъ комплиментахъ! Вѣдь, есть иная жизнь, которая бьетъ ключемъ, но не тамъ, гдѣ расчитано каждое движеніе, каждое слово должно бить на эффектъ. Вѣдь, та молодежь, съ которой ей приходилось встрѣчаться, блестящая и элегантная, она холодна и бездушна. Лидочка въ кругу этихъ людей всегда боязливо оглядывается. Взглядъ ея постоянно скользитъ по лицамъ того общества съ нѣмымъ вопросомъ,—она старается прочесть, не принадлежатъ-ли полунасмѣшливыя улыбки элегантныхъ дамъ ей — и тѣнь страданія пробѣгаетъ по ея блѣдному личику.

Вѣдь, скажи имъ когда-нибудь о томъ, что таится въ ея дѣтской душѣ, и она показалась-бы смѣшной, недостойной ихъ общества. Со словомъ «человѣкъ» у Лидочки всегда былъ связанъ свѣтлый образъ; молодежь ея пылкому воображенію всегда рисовалась благородной, безстрашной.

Вотъ только кому она могла ввѣрять свои мечты—онъ такой сердечный, славный!.. Предъ глазами ея встаетъ знакомый образъ Василія Дмитріевича. Лидочка вспомнила его манеру говорить, безъ всякихъ софизмовъ, переложенныхъ въ изящную рѣчь и бьющихъ на эффектъ, а просто, но горячо и увлекательно...

Василій Дмитріевичъ ей всегда нравился, конечно, нравился больше, чѣмъ кто-либо изъ свѣтской молодежи, съ которой она сталкивалась у своихъ подругъ, этихъ ловкихъ танцоровъ, въ чьихъ глазахъ Василій Дмитріевичъ показался-бы смѣшнымъ, медвѣдемъ.

Да, онъ нравится Лидочкѣ, но она стыдится признаться въ этомъ даже самой себѣ.

За стѣной вдругъ тихо запѣла скрипка. Подъ покровомъ тихой ночи звуки мягкою волною проникали въ душу Лидочки; въ нихъ было что-то зовущее.

Голова Лидочки горѣла, сердце часто и порывисто стучало, сжималось отъ какого-то невѣдомаго желанія. Она почему-то вспомнила теперь бѣлыя ночи и прогулки съ Василіемъ Дмитріевичемъ тамъ, на Черной рѣчкѣ, куда мать ежегодно перебиралась вмѣстѣ со своими постоянными квартирантами. Пѣлъ тамъ соловей, не смѣло и сбивчиво, о ласкахъ говорила эта пѣснь, а Василій Дмитріевичъ объяснялъ ей какую-то мудреную математическую задачу... Вѣдь, онъ—такой умница, а она тогда была такой глупенькой дѣвочкой.

Но она ссвсѣмъ не слушала объясненій Василія Дмитріевича. Ей вдругъ страстно захотѣлось ласкъ, много ласкъ! Она жадно упивалась сладкими мечтами, а потомъ ей опять становилось стыдно за себя...

Пѣла скрипка и вдругъ оборвалась ея нѣжащая мелодія. Тихо кругомъ.

Василій Дмитріевичъ сидѣлъ у себя при тускломъ свѣтѣ лампы и невеселыя мысли лѣзли въ голову, какъ неотвязчивыя мухи.

Ясно и опредѣленно встала предъ Василіемъ Дмитріевичемъ его жизнь. Онъ видитъ далекій хуторъ и Малороссію. Онъ помнитъ еще, какъ онъ помчался въ столицу съ цѣлымъ запасомъ розовыхъ мечтаній, которымъ не сбыться уже никогда. Всѣ восторги юныхъ дней, этотъ бредъ юности, поблекли, подавлены мелочами сѣренькой жизни.

Вспомнился ему заброшенный уголокъ деревенскаго кладбища, гдѣ стройные тополи убаюкиваютъ своимъ шепотомъ отца, старушку-мать.

Жаль ему стало нелѣпо испорченной жизни и страшно за грядущее, которое рисуется ему теперь жалкимъ прозябаніемъ.

Сквозь это жгучее озлобленіе на жестокую неправду жизни вдругъ промелькнулъ въ мысляхъ образъ Лидочки. Что-то неизъяснимо-нѣжное сейчасъ коснулось сердца, провѣяло. Онъ опять взялся за скрипку, которая тихо запѣла подъ его смычкомъ.

Это плакала наболѣвшая душа неудачника.

Слуха Лидочки опять коснулись зовущіе звуки скрипки.

Она разложила принесенные съ вечера цвѣты на столъ.

«Что, если подарить ему, Василію Дмитріевичу, одинъ цвѣточекъ?—мелькнула вдругъ мысль въ ея головѣ.—Сейчасъ... вотъ этотъ... одинъ... цвѣточекъ,—побѣжала мысль дальше, и пальцы Лидочки коснулись мечтательно-нѣжнаго ландыша.—Послать... черезъ Маланью... Нѣтъ! если я... сама?»—путались мысли въ ея головѣ...

Лидочка рѣшилась.

Тихо, какъ кошка, она проскользнула въ слабо освѣщенный корридоръ и черезъ минуту уже постучалась къ Василію Дмитріевичу.

— Вы не спите?—еле слышно прошептала она.

Дверь отворилась — и на порогѣ показалась высокая фигура Василія Дмитріевича.

— Не спится, мечтатель? Вотъ я... вамъ принесла... цвѣты... съ вечера... Вы... вы... такъ любите цвѣты,—слегка заикаясь, тихо и виновато уронила Лидочка.

Она была похожа на фею въ своемъ простенькомъ платьѣ.

Василій Дмитріевичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. На него повѣяло тонкимъ запахомъ цвѣтовъ. Въ одинъ мигъ онъ прошелъ всю гамму счастья, ласки... Онъ взглянулъ на цвѣты, и радостныя слезы блеснули въ его глазахъ. Онъ, дрожа, схватилъ руку Лидочки.

Рука его дрожала и ему казалось, что бѣдная комнатка съ грязными обоями и Лидочка,—все это завертѣлось вокругъ него въ какой-то безумной пляскѣ.

Лидочка, опустивъ длинныя рѣсницы, стояла предъ нимъ дрожа, безъ словъ, безъ мыслей. Глаза ея были расширены и смотрѣли въ какомъ-то недоумѣніи.

Вдругъ она шагнула впередъ, качнулась и упала ему въ объятія.

— Вася!—пронесся ея страстный шепотъ, и губы ихъ слились въ первомъ жгучемъ поцѣлуѣ, который былъ чистъ, какъ бѣлые ландыши въ ея дрожащей рукѣ.

Въ первомъ поцѣлуѣ Лидочка отдала все, что можетъ только отдать чистая, какъ храмъ, душа, по которой мощно пронеслось первое святое чувство, какъ молодая гроза, какъ вода, прорвавшая плотину.

Лидочка прижалась къ Василію Дмитріевичу всей своей хрупкой дѣтской фигурой, склонивъ къ нему на грудь голову.

Сквозь окна маленькой комнатки пробивался уже слабый призракъ утра.

Гулко ударили въ сосѣдней церкви къ утренѣ...

КОНЕЦЪ.

У моря.

Я одинъ на скалѣ... Только море кругомъ
О свободѣ мнѣ пѣснь напѣваетъ
И упрямо твердитъ мнѣ прибоемъ о томъ,
Что холодное сердце терзаетъ.
Можетъ, хочется слиться въ объятьяхъ ему
Съ разлученной подругой забытой
Иль стремится разрушить людскую тюрьму —
Этотъ міръ нашъ—волною сердитой.
Можетъ, просто шумитъ, потому что шумѣть
Суждено ему Богомъ отъ вѣка,
И поетъ, потому что не можетъ не пѣть,
И та пѣсня чужда человѣка...
Я не въ силахъ понять этотъ ропотъ глухой,
Но ему всей душой отзѣчаю...
Я сочувствую пѣснѣ невѣдомой той
И ей жадно и страстно внимаю...
Что-то близкое слышится въ шумѣ глухомъ...
Тѣ-же ропотъ, тоска и стремленье
Такъ-же въ сердцѣ таятся усталомъ моемъ,
Такъ-же рвутся изъ мрака забвенья...

Вл. Николаевъ.

Къ одной цѣли.

Повѣсть Т. Н. Власовой. (Продолженіе.)

IX.

ЗАРѢЦКАЯ, соскучившись въ городѣ — Доринъ почти все время жилъ въ Красномъ Селѣ—уѣхала въ свое имѣнье. Она просила Дорина изъ лагерей проѣхать прямо къ ней, не заѣзжая домой, хотя эта перспектива, послѣ пыльной дороги, не особенно ему улыбалась.

На какой-то лохматой обывательской клячѣ въ субботу вечеромъ онъ подъѣхалъ къ дому Кити. Выскочили тощія собаки съ отчаяннымъ лаемъ, изъ дома арендатора вышла работница и показала, какъ пройти въ господскій домъ. По кое-какъ расчищенной дорожкѣ Доринъ пошелъ на балконъ. Кити уже бѣжала къ нему навстрѣчу. Всякій разъ, какъ она ждала Дорина и, по ея расчету, онъ опаздывалъ, ее начиналъ охватывать страхъ за будущее, боязнь потерять его. Рано или поздно выдти за него замужъ она рѣшила безповоротно, но, чтобы не испортить дѣла, она боялась особенно настаивать на этомъ. Зная, какъ зажигательно дѣйствуютъ на него ея красота и страсть, она употребляла все возможное, чтобы заглушить въ немъ всякое раздумье, всякій протестъ. Но именно эти задоръ и кокетливость въ отсутствіе Кити заставляли его размышлять и препятствовали рѣшительному объясненію,—такъ мало было въ ней задатковъ для семейной жизни, которую онъ всегда цѣнилъ и которую для него олицетворяла его покойная жена. Во всякомъ случаѣ, всѣ вопросы, мучившіе его, уходили далеко, какъ только онъ былъ съ Кити, видѣлъ ея манящіе глаза... Тогда онъ шелъ безъ размышленій навстрѣчу заражающей его страсти.

Они сидѣли на балконѣ, кое-какъ подправленномъ къ пріѣзду владѣлицы. Предъ ними лежалъ огромный садъ съ вѣковыми деревьями, гдѣ алчный взоръ арендатора уже намѣтилъ свои жертвы, но, ввиду близкаго возобновленія контракта, рѣшилъ до времени ихъ пощадить. Солнце только что зашло, поднялся легкій туманъ. Подъ густыми сводами деревьевъ онъ принималъ форму призраковъ, скользящихъ и переплетающихся между собою. Дорину казалось, что оттуда надвигалось на него что-то жуткое... Въ то-же время эта дикая красота и ароматъ жасмина, росшаго купами около балкона, опьяняли его.

— Какая прелесть!—сказалъ Доринъ, прижимая къ себѣ Кити.—Сколько обаянія въ природѣ!

— Удивительная прелесть!—недовольно отозвалась Кити (она была въ страшно неровномъ, нервномъ настроеніи).—Я здѣсь уже нѣсколько лѣтъ не была... все грязно, запущено... И только желаніе провести нѣсколько дней съ тобою совсѣмъ вдвоемъ—въ Петербургѣ намъ такъ часто мѣшаютъ!—только это желаніе заставило меня сюда пріѣхать... Для тебя, мой дорогой...—и она съ кошачьей граціей прильнула къ его плечу.

Поздно вечеромъ Доринъ собрался ѣхать домой и обратился съ просьбой къ дѣвушкѣ, дочери арендатора, прислуживавшей Кити, съ просьбою достать ему лошадь.

— Вотъ это мило!—вскричала Кити.—Развѣ я васъ отпущу безъ ужина? Намъ Марѳуша кое-что обѣщала состряпать,—обратилась она съ улыбкой къ дѣвушкѣ:—поужинаете, и затѣмъ вы свободны...

Она обвела Дорина загадочнымъ взглядомъ.

Послѣ ужина—уже заря занималась и вся восточная половина неба горѣла ярко-розовымъ свѣтомъ, бросая всюду свой радостный отблескъ—Доринъ ходилъ по площадкѣ предъ окнами китиной комнаты. Сегодня, особенно теперь, при этомъ будто обличительномъ свѣтѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ сознавалъ, что въ Кити совсѣмъ нѣтъ нѣжной женственной любви: она вся—дурманъ, что-то... ядовитое и сладкое въ то-же время... Жениться на ней—надѣть на себя ярмо... Пусть будетъ пока такъ... Время рѣшитъ... Онъ нервно и быстро шагалъ, а самъ все съ большимъ волненіемъ прислушивался, скоро-ли раздастся ея грудной, красивый голосъ...

— Алексъ!

Въ открытомъ окнѣ, вся розовая отъ зари, съ массою бѣлокурыхъ вьющихся волосъ стояла Кити. Ея призывъ прошелъ по его натянутымъ нервамъ.

«Златокудрая Аврора»,—вспомнилъ онъ слова Кроткова.

Онъ вскочилъ въ окно и жадно, неудержимо прильнулъ къ ея губамъ...

— А красивый баринъ пріѣхали къ помѣщицѣ,—сказала дочка арендатора, усаживаясь на другой день обѣдать:—просто картинка!

— Этотъ баринъ до насъ не касается,—мрачно отрѣзалъ арендаторъ, косой человѣкъ, по случаю праздника надѣвшій новые сапоги, обильно смазанные дегтемъ.—Я вотъ боюсь какъ-бы тотъ, что намедни былъ, не перебилъ у меня аренды.

— Да неужели-жъ?—взволновалась его толстая супруга, ставившая на столъ огромный пирогъ.

— Да похоже на то... Штатскій и будто жидъ... Не понять, что и лопотали... не по-русски... А только издали видно было, какъ все эдакъ руками разводилъ... Видно, сбавить просилъ. Надо и мнѣ...

— И очень вы, папенька, ошибаетесь... Совсѣмъ не то!—и Марѳуша почему-то громко разсмѣялась.

— Чего ржешь за столомъ?—закричалъ отецъ.—Много ты понимаешь! Вамъ-бы только зубы скалить... Мѣстечко-то насиженное... Вся округа меня знаетъ и я всѣхъ... Какъ придется убираться?..

— Да говорю вамъ, ничего не будетъ!—крикнула дочка.—Надоѣли!..

— Ну, и дѣвка!—вмѣшалась мать, обезпокоенная подозрѣніями мужа.—Бросишь ты отцу перечить? Возьму-ка я...—и, встрѣтивъ сердитый взглядъ дочери, прибавила уже тихо:—воля большая тебѣ дана... Охъ!

X.

Лиза съ дѣтьми, Машей и няней отправилась къ Рудневымъ. Онѣ рѣшили идти лѣсомъ, чтобы набрать къ завтраку бѣлыхъ грибовъ, до которыхъ Петръ Антоновичъ былъ страстный охотникъ. Вѣрѣ Лиза нарѣзала цѣлую массу цвѣтовъ изъ своего сада. Дѣти и Маша отклонились въ сторону; няня съ Павликомъ медленно плелась сзади. Лиза одна шла по просѣкѣ. И утро съ ароматомъ лѣса, и темно-синее небо съ легкими облачками—все располагало къ мечтамъ... Думы Лизы были неопредѣленны и переходили съ предмета на предметъ. То ей приходилъ на умъ Иволгинъ съ его увлеченіемъ наукой, и она никакъ не могла разобрать, что ей въ немъ мило и что отталкиваетъ ее... Можетъ быть, онъ ее любитъ. Его глаза въ иныя минуты задушевнаго разговора принимаютъ вдругъ какое-то виноватое выраженіе; ей тогда хочется сказать ему что-либо хорошее, пріятное, доброе, но она боится, что онъ эти слова приметъ за любовь... Только едва-ли женщина займетъ въ его жизни видное мѣсто? Вѣра—смѣшная!—всегда оставляетъ ихъ однихъ, думая, вѣрно, сдѣлать ей удовольствіе; она-же всегда избѣгаетъ этихъ tête à tête...

Лиза оглянулась на Павлика, аукнулась съ дѣтьми и пошла дальше. Отъ любви она ждетъ чего-то совсѣмъ другого... Когда она полюбитъ, то беззавѣтно, безъ разсужденій откроетъ любимому человѣку всю душу, всѣ помыслы, будетъ гордиться имъ, боготворить его... Она вспомнила покойную Соню, прелестную красавицу съ чистыми, какъ небо, глазами, вспомнила ея нѣжную любовь къ мужу... Ничего подобнаго не испытываетъ она къ Иволгину. Онъ—хорошій товарищъ, и только! Наружность у него симпатичная, юношеская, но не поэтическая. Въ немъ нѣтъ ни того изящества, ни той прелести, которыя, напримѣръ, проглядываютъ въ каждомъ движеніи Алексѣя Николаевича... Такого человѣка...

Сзади послышался глухой стукъ колесъ по выступавшимъ корнямъ деревьевъ. Незнакомый неказистый шарабанчикъ, запряженный гнѣдою лошадкой, настигалъ ихъ. Въ немъ сидѣлъ Доринъ и правилъ. Рядомъ сидѣла Зарѣцкая. Оба смѣялись; ея задорный смѣхъ коснулся слуха Лизы, и сердце дѣвушки мучительно сжалось. Это появленіе было такъ неожиданно, такой дѣйствительностью ворвалось въ мечтанія Лизы, что она страшно смутилась и растерялась. Цвѣты посыпались, задерживаясь на вышивкахъ ея платья и падая къ ея ногамъ.

Доринъ уже догналъ няню съ Павликомъ и остановилъ лошадь. Увидѣвъ Лизу, которая, наклонившись, собирала цвѣты—это было очень кстати и помогло ей скрыть первое смущеніе,—онъ подошелъ къ ней. Въ ея поблѣднѣвшее лицо Доринъ вглядѣлся съ какимъ-то недоумѣніемъ.

Прибѣжали со смѣхомъ и крикомъ старшіе дѣти.

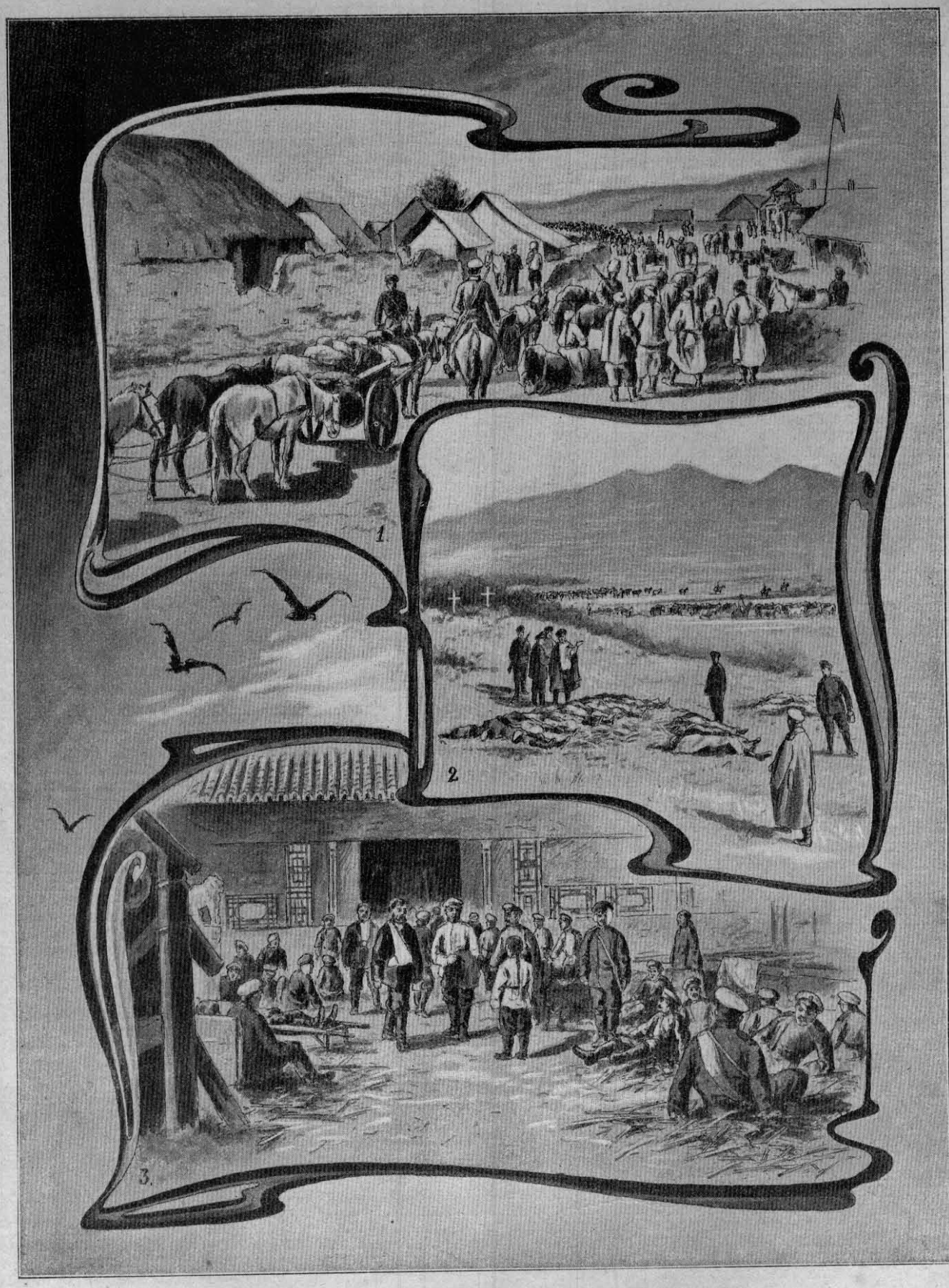
— Bonjour, Lise!—Зарѣцкая подъѣхала къ ней.—Вотъ неожиданная встрѣча! Я все къ вамъ собираюсь... Сегодня день сюрпризовъ: сначала встрѣтила Алексѣя Николаевича... теперь васъ. Вы очень поправились и похорошѣли. Съ вашими цвѣтами—настоящая лѣсная фея!.. Вы, Алексѣй Николаевичъ, желаете ѣхать дальше или присоединяетесь къ своимъ?

— Нѣтъ, если позволите, я съ вами... Уже довезите до дома. Надо переодѣться... съ дороги. Вы куда?—спросилъ онъ Лизу.

— Къ Рудневымъ,—сухо сказала Лиза и, не ожидая, пока шарабанъ отъѣдетъ, кивнула Зарѣцкой и пошла впередъ.

«Зачѣмъ онъ лжетъ?! ахъ, зачѣмъ онъ лжетъ?!—идя быстро, чтобы не разговаривать съ няней, повторяла Лиза такъ упорно, что, казалось, все страданіе, которое испытывала она, было вызвано именно этой ложью... Зачѣмъ? кому нужна эта ложь? Кто требуетъ отъ него объ неній?..»

«Переодѣться съ дороги»... Она прекрасно знаетъ, гдѣ онъ былъ... Да развѣ онъ кому-нибудь долженъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ? Любовь на... подкладкѣ лжи! Прямой и честный, онъ возмущался всякой безсознательной неправдой, сказанной дѣтьми, а самъ... лжетъ.. Но почему-же «лжетъ»?



НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

1. Отправленіе раненыхъ въ Мукденъ. 2. Предъ погребеніемъ убитыхъ въ бою. 3. На перевязочномъ пунктѣ.
По фотогр. рисов. для «Родины» **М. Андреевъ.**

Можетъ быть, онъ имѣетъ самыя честныя намѣренія относительно Зарѣцкой и не желаетъ ее компрометтировать?... Можетъ быть, онъ женится на ней?

При этой мысли Лиза вся похолодѣла и остановилась даже: такъ сильно забилось ея сердце... Боже избави! дать дѣтямъ такую мачиху? отдать ей Павлика? Ни за что!.. Но что можетъ сдѣлать она при желаніи Дорина?..

— Остановилась! Слава Те, Господи... Летитъ, какъ стрекоза... Совсѣмъ заморила старуху!—ворчала няня, догоняя ее.

— Ну, давай, няня, я понесу Павлушу. Иди, моя радость.

Ребенокъ упѣпился за лизину шею, смѣясь и глядя на нее отцовскими синими глазами.

— Ни за что не отдамъ тебя, моя крошка!—шептала Лиза, прижимая его къ себѣ.

— Вертушка-то эта, прости Господи, откуда взялась?—сказала няня.

— Не знаю,—нехотя отвѣтила Лиза.

— Еще-бы тебѣ про эти дѣла знать! не твое дѣло! ты—дѣвушка!—разсердилась старушка (въ такихъ случаяхъ она Лизу называла на ты).—Ахъ, Ты, Господи, вотъ наказанье-то!—ворчала она уже про себя.—Ну, и бой-баба!..

Уже виднѣлся домъ Рудневыхъ. Дѣти съ Машей бѣжали далеко впереди со своими грибами.

Рудневъ вышелъ навстрѣчу Лизѣ.

— Дѣти говорятъ, Алеша пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ,—коротко отвѣтила она.

— Когда?

— Не знаю, право...

Она сейчасъ-же перевела разговоръ на другое и, увидѣвъ Вѣру, побѣжала къ ней, оставивъ въ недоумѣніи Руднева.

«Странный отвѣтъ!»—развелъ онъ руками, но именно въ виду его странности онъ рѣшилъ ничего не спрашивать ни у Лизы, ни у Дорина.

Къ обѣду пріѣхалъ Доринъ и сейчасъ-же сообщилъ, что раненъ Кротковъ въ небольшой стычкѣ съ японцами въ китайской деревушкѣ. Эта вѣсть опечалила всѣхъ. Лиза думала объ Аннѣ и объ ея странной, недоброй, капризной любви... И война, до сихъ поръ что-то страшное, но отвлеченное, гдѣ-то за десятки тысячъ верстъ, больно и реально отозвалась теперь на ней! А сколько такихъ сообщеній, сколько ранъ, смертей, слезъ!..

За обѣдомъ не было обычныхъ шутокъ, всѣ будто ушли въ себя.

— Къ вамъ страшно идетъ ваше платье, Лиза!—сказалъ Доринъ, чтобы перевести разговоръ на что-либо обыденное.—Съ вашими цвѣтами вы были совсѣмъ похожи на лѣсную фею, когда я васъ встрѣтилъ..

— Гдѣ встрѣтилъ?—небрежно спросилъ Рудневъ.

— Да въ лѣсу... Вѣдь, лѣсныя феи только тамъ и бываютъ!—пошутилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Ты сегодня развѣ пріѣхалъ?

— Да... да сегодня,—нѣсколько замялся Доринъ.—М-me Зарѣцкая была на станціи—ѣздила за письмами—и оказала мнѣ любезность меня довезти... Я экспромтомъ и раньше не заказалъ лошадей. Вотъ мы и встрѣтили Лизу съ дѣтьми...

Рудневъ на мгновенье нечаянно встрѣтился глазами съ Лизой. Имъ обоимъ мелькнула одна мысль—дорога со станціи совсѣмъ не проходитъ по лѣсу. Лиза слегка покраснѣла и недовольно отвела свой взглядъ.

«Для чего было говорить о Зарѣцкой и вызывать подозрѣніе Петра Антоновича?—сердилась на Дорина Лиза.—Онъ долженъ-же знать, что я никогда-бы никому не сказала объ этой встрѣчѣ въ лѣсу»...

Вечеромъ Доринъ на тройкѣ прямо отъ Рудневыхъ поѣхалъ въ лагери, обѣщаясь пріѣхать въ слѣдующую субботу на нѣсколько дней.

«Конечно!»—съ горечью подумала Лиза.

«Напрасно!»—вздохнулъ Рудневъ.

Онъ видѣлъ осенью Зарѣцкую у Дорина и здѣсь кое-что слышалъ о ней. Какъ Доринъ, умный человѣкъ и эстетикъ, не разгадалъ ея и увлекся лишь наружной красотою, было для Руднева непонятной психологической загадкой.

XI.

Прошла недѣля. Доринъ и Рудневъ сидѣли во фруктовомъ саду Рудневыхъ, его «слабости», содержимой въ образцовомъ порядкѣ. Разобравъ инструменты, Рудневъ сталъ производить надъ яблоней какія-то манипуляціи, непонятныя его пріятелю, изрѣдка перебрасываясь съ нимъ словами.

Уже перешло далеко за полдень. Было тепло, но не парило. Въ воздухѣ стояла необыкновенная тишина. Раздавалось лишь жужжанье пчелъ, усердно собиравшихъ взятокъ послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней. Пасѣка была рядомъ.

— Хорошо!—сказалъ Доринъ.

— Что хорошо?

— Да все... и этотъ день, и жужжанье пчелъ... и эта твоя непонятная для меня работа, и... и моя лѣнь... Все хорошо!

— Видишь, Алеша, и въ тебѣ сидитъ эта — какъ тебѣ сказать? — наклонность къ сельской жизни, — съ удовольствіемъ призналъ Рудневъ, срѣзывая часть испорченной коры съ яблони.

— Нѣтъ! Я люблю свое дѣло...

— Гораздо было-бы лучше, если-бы не было этого «твоего» дѣла... Дала намъ себя знать эта война...

— Почему лучше?—спокойно и задумчиво спросилъ Доринъ, не обращая вниманія, а можетъ быть, и не слыша конца его фразы.—По-моему, все въ мірѣ нужно и все разумно, въ какой-бы формѣ оно ни являлось... Лишь-бы познать правду и смыслъ жизни, а не все-ли равно какимъ путемъ...

— Ты, кажется, говоришь парадоксы,—заинтересовался Рудневъ, оставилъ работу и подсѣлъ къ Дорину.—Все нужно и все разумно, сказалъ ты? Но, такимъ образомъ, исходя изъ этой точки, можно оправдать всякое зло!.. Я уже не говорю о войнѣ—она давно оправдана... борьбою за существованіе...

— Я не говорю «оправдать», — улыбаясь больше глазами, сказалъ Доринъ, — пусть зло, преступленія наказываются... Но вездѣ надо искать иного смысла...

— Но какого-же? какого?..

— Зло отвратительно, но оно можетъ быть разумно своей отрицательной стороною... Я не люблю и не умѣю спорить и доказывать, но то, что я сказалъ, — мое убѣжденіе... Ничто не случайно... все нужно: добро и зло, счастье, горе, униженія, ошибки, миръ, война, трудъ... все.

Вѣра Антоновна давно пришла звать ихъ пить чай, но, издали услышавъ оживленный разговоръ, изъ котораго нѣкоторыя слова долетали до ея слуха, прислонилась къ дереву и задумалась. «Все нужно». Все-ли? Предъ ней мелькнули годы ея замужней жизни, не давшіе ей ни радостей супружества, ни радостей материнства. Она страдала среди пошлой обстановки уѣзднаго города, среди картъ, попоекъ, сплетенъ... Умеръ мужъ... Она перебралась къ брату. Здѣсь все какъ-то отпало, забылось. Благодѣтельное дѣйствіе природы и труда заставило ее примириться съ прошлымъ. Вдругъ встрѣча съ Иволгинымъ... Ей онъ говорилъ о своихъ надеждахъ, въ ея «прекрасныхъ» глазахъ искалъ одобренія своему труду, ее называлъ лучшимъ другомъ... И ей среди ихъ затишья чудились давно забытыя старыя пѣсни, возвращались дѣвичьи грезы... Пріѣхала Лиза...

Теперь ей уже удалось сбросить съ себя эту глупую любовь! Не смѣшно-ли женщинѣ въ тридцать шесть лѣтъ воображать, что она можетъ быть любима юношей? Смѣшно и глупо! Не мало труда и силы воли стоила ей эта борьба... Она себя побѣдила.. Даже нѣтъ горечи воспоминаній...

— А вотъ и Вѣра Антоновна!—обернувшись, замѣтилъ ее Доринъ.—Чай пить, вѣрно?

— Да. А Лиза съ дѣтьми придетъ?

— Говорила. Она съ Иволгинымъ и дѣтьми пошла навѣщать какихъ-то погорѣльцевъ или что-то въ этомъ родѣ...

— А какой онъ, по-вашему? — спрашивалъ Доринъ, идя между братомъ и сестрой къ балкону, гдѣ дѣвушка въ яркомъ платкѣ на головѣ раздувала самоваръ — Петръ Антоновичъ не признавалъ не кипящаго во всѣ пары самовара и даже въ самую жаркую погоду пилъ очень горячій чай.

— Прекрасный человѣкъ!—безъ всякой горечи сказала Вѣра.

— Для Лизы онъ суховатъ,—отозвался на ея слова братъ.—Впрочемъ, всѣ ученые таковы...

— Вотъ и мнѣ сдается такъ... А какъ вы думаете, онъ женится на Лизѣ?—спросилъ Доринъ, которому почему-то не хотѣлось получить утвердительный отвѣтъ.

— Женится-ли на Лизѣ?! Да тебя за этотъ вопросъ побить стоитъ! Для него это — величайшее счастье... Согласится-ли она, вотъ тамъ что спроси! «Женится-ли?» Да если-бы мнѣ десятокъ лѣтъ съ плечъ, да... ну, хоть твою, что-ли, физіономію въ придачу, я-бы на колѣнахъ умолялъ ее согласиться!..

Рудневъ прямо вышелъ изъ себя.

Вѣра и Доринъ смотрѣли на него съ улыбкою. Доринъ радовался его горячности, а въ душѣ его звучали нѣжныя струны, но пока еще такъ слабо, что казались отголоскомъ чего-то забытаго, до-нельзя многаго...

— А ну васъ совсѣмъ!—засмѣялся и Рудневъ, увидя ихъ улыбки.—На старости лѣтъ до признанія довели... Налей-ка, Вѣрочка, въ утѣшенье самаго горячаго... А ты, Алеша, воздай честь хозяйству Вѣры. Вѣдь, такихъ молочныхъ продуктовъ не встрѣтишь... Она на этотъ счетъ мастерица... И все сама.

(Продолженіе будетъ.)

Сканирован rutracker.org

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ;

По дорогѣ изъ Калуги въ Тихонову пустынь. (Къ рис. на стр. 289.) При взглядѣ на этотъ рисунокъ хочется думать, что онъ — снимокъ съ картины знаменитаго художника, великаго русскаго мастера по изображенію лѣса, покойнаго профессора И. И. Шишкина. Въ дѣйствительности-же это—только снимокъ фотографа, сдѣланный фотографическимъ аппаратомъ. Въ послѣдніе годы фотографированіе сдѣлалось доступнымъ всѣмъ и, благодаря этому, техника фотографіи въ короткое время сдѣлала большіе успѣхи; благодаря этому, явились и любители-фотографы, имѣющіе право называться художниками. На самомъ дѣлѣ, не трудно наставить аппаратъ на какой угодно предметъ или уголокъ и послѣ этого щелкнуть затворомъ, но выбрать для снимка именно такой уголокъ или такую сцену, которые представляли-бы художественный интересъ, это доступно не многимъ и такіе фотографы въ правѣ называться художниками. Господинъ В. Ченцовъ, фотографія котораго воспроизведена у насъ, сумѣлъ выбрать для снимка именно художественный пейзажъ. Особенный интересъ этотъ снимокъ долженъ представлять потому, что красота природы показана здѣсь такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ.

Возвращеніе раненаго воина въ родную деревню. (Къ рис. на стр. 295.) Это была совсѣмъ неожиданная радость послѣ тяжкаго горя. Сравнительно недавно еще семья провожала его на войну. Сколько было пролито слезъ тогда! Всѣ, вѣдь, думали, что, быть можетъ, человѣка уже не придется болѣе видѣть. Шло время. Пріѣзжавшіе изъ города сказывали, что тамъ идетъ молва, будто война надолго затянется, а тутъ вдругъ... Когда на этотъ разъ поѣхалъ дядя Пахомъ въ городъ, всѣ думали только, что онъ привезетъ оттуда новыя вѣсти о войнѣ, а, между тѣмъ, вонъ какое дѣло вышло. Прямо со станціи въ городѣ дядя Пахомъ взялъ своего раненаго земляка. Услыхалъ онъ въ городѣ, что по чугункѣ на станцію сегодня раненые съ войны прибываютъ, и вмѣстѣ съ другими поѣхалъ поглядѣть, поѣхалъ, дождался и вдругъ среди прибывшихъ увидѣлъ «своего». Конечно, немного подождать пришлось Пахому, пока воинъ бумаги у начальства выправилъ, а потомъ и поѣхали вмѣстѣ. Не такимъ возвращался сердягасолдатикъ, какимъ уѣхалъ изъ деревни: нога въ трехъ мѣстахъ была прострѣлена и безъ костылей и ходить не могъ. Но стоитъ-ли говорить объ этомъ? Развѣ не сгладила все, не заставила забыть обо всемъ радость, которая охватила его при видѣ родной деревни, при первыхъ ласкахъ близкихъ, дорогихъ сердцу, родныхъ людей.

Охота зимою. (Къ рис. на стр. 297.) Недаромъ вотъ, вѣдь, говоритъ пословица, что «на всякаго хитреца бываетъ довольно простоты». Кажется, ужъ кто можетъ быть хитрѣе лисицы? О хитрости ея всѣ говорятъ, а вотъ тутъ совсѣмъ врасплохъ попалась она въ лапы рѣзвымъ борзымъ. Хитрость, впрочемъ, на этотъ разъ и подвела ее. Издалека услыхала Патрикѣевна приближающуюся опасность. Далеко отъ своей норы была она въ то время, когда почуяла враговъ. Оглядѣлась по сторонамъ, видитъ: вдалекѣ пара коней на нее скачетъ, въ саняхъ люди сидятъ—и больше ничего. Удирать-бы кумѣ надо прямо по-добру по-здорову, но на то и лиса она: какъ-же такъ прямо безъ всякаго разсужденія бѣжать? Нѣтъ, надо подумать. Подумала и рѣшила: «зачѣмъ бѣжать, лучше притаюсь какъ-нибудь». Ну, и притаилась. Потомъ уже на нее собачьимъ духомъ пахнуло, но бѣжать уже тогда было поздно. Припрыгнули борзыя, припрыгнула тогда и кумушка, но не долго напрыгала, мигомъ настигли ее рѣзвые псы...

Предъ уходомъ въ школу. (Къ рис. на стр. 303.) «Нечего, нечего глаза на баранки-то пялить и съ хлѣбцемъ пойдешь, хорошъ будешь»,—ворчитъ мать на собравшагося въ школу сына, отрѣзая ему большой ломоть чернаго хлѣба. Но малаго не страшитъ ворчанье матери. Онъ свое дѣло знаетъ туго. Знаетъ онъ, что мать это только такъ ворчитъ, а сама, небось, и хлѣба, и баранокъ дастъ, и смотритъ онъ поэтому попрежнему, не спуская глазъ съ баранокъ, и плутовская улыбка все время играетъ на его губахъ. Не выдержать этой улыбки матери, уже и теперь начинаетъ она и сама улыбаться и пожалуй, что и впрямь надежды мальчугана относительно и хлѣба, и баранокъ оправдаются. Незначительная жизненная сценка, а, между тѣмъ, сколько въ ней прелести и съ какимъ мастерствомъ удалось передать ее художнику!

Спасеніе митрополита Макарія во время пожара Москвы въ 1547 году. (Къ рис. на стр. 305.) Вотъ какъ описываетъ свершившееся во время царствованія Іоанна Грознаго событіе, изображенное на предлагаемомъ рисункѣ, первый русскій историкъ: «Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ! Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; дома строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные великими; но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12-го апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частью городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20-го апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники; а 24-го іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнули кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густого дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались желѣзо рдѣло, какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи святыхъ истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Маріи, писанный св. Петромъ митрополитомъ, и «Правила Церковныя», привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастью, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви... Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли, деревья обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, нивообразить сего бѣдствія».

На театрѣ войны на Дальнемъ Востокѣ. (Къ рис. на стр. 313.) Второй годъ бушуетъ страшная буря войны и Богу Одному извѣстно, когда она стихнетъ, когда блеснетъ свѣтлый, радостный лучъ умиротворенія. Безропотно исполняютъ свой тяжелый долгъ предъ отечествомъ на далекихъ поляхъ Манчжуріи русскіе воины. Всѣхъ воодушевляетъ одна мечта: «побѣдить врага». Эта надежда заставляетъ забывать о лишеніяхъ, скрашиваетъ ужасы войны. Много этихъ ужасовъ. Вотъ хотя-бы изображенное на рисункѣ № 1 отправленіе раненыхъ въ Мукденъ. По невозможнымъ дорогамъ, въ тряскихъ двуколкахъ должны совершать путешествіе бѣдные страдальцы съ мѣста боя до первыхъ госпиталей въ Мукденѣ. Но въ Мукденѣ тоже ихъ устроятъ временно: тамъ нельзя держать госпитали наполненными, нужно постоянно думать о будущемъ, о новыхъ раненыхъ. И поэтому совершающимъ теперь свое ужасное путешествіе на двуколкахъ страдальцамъ въ самомъ близкомъ будущемъ придется совершить новое—по желѣзной дорогѣ. А вотъ и еще ужасъ войны. (См. рис. № 2-й.) «Вырыта заступомъ яма глубокая», вырыта далеко-далеко отъ родины, среди поля, на которое не въ военное время, можетъ быть, никто никогда и не заглянетъ. Длинными рядами сложены около ямы воины, «за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившіе». Въ послѣдніи разъ заливаетъ ихъ своимъ свѣтомъ красное солнышко, въ послѣдній разъ опахиваетъ вѣтерокъ. Скоро только невысокій холмъ земли надъ братской могилой да простой крестъ на немъ будутъ указывать мѣсто, гдѣ нашли они себѣ вѣчное упокоеніе. На перевязочномъ пунктѣ (рис. № 3-й) тоже ужасы войны. Сюда во время боя стекаются всѣ раненые. Кто приходитъ, а кого и приносятъ. Не всѣ сразу попадаютъ въ просторную китайскую фанзу, превращенную въ операціонную. Многимъ подолгу приходится ждать очереди, и потому дворъ фанзы всегда переполненъ ожидающими первой помощи. Зачастую здѣсь слышны и тяжкіе стоны, и даже предсмертные хрипы. Бываютъ случаи, когда къ перевязочному пункту приносятъ воиновъ уже не нуждающихся въ земномъ врачеваніи.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ПОЛЕЗНАЯ НОВОСТЬ!

Туалетное зеркало съ самоиграющей музыкою, съ часами И СЪ ВѢЧНЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ, показывающимъ день, мѣсяцъ и число. Вы доставите себѣ, семейству и гостямъ большое удовольствіе, купивъ у насъ изящные часы съ вѣчнымъ календаремъ, прочной конструкціи, съ чуднымъ кристаллическимъ шлифованнымъ зеркаломъ парижской выдѣлки, съ очень хорошей и пріятной музыкою, и съ цитрою, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы самыхъ знаменитыхъ композиторовъ (вальсы, польки, марши, оперы, народныя пѣсни, гимны и т. д.), въ заграничномъ полированномъ корпусѣ. Кромѣ того, часы эти отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ прелестнымъ украшеніемъ для туалетнаго и письменнаго столовъ. Высылаемъ часы, вырегулированные до минуты, съ ручательствомъ за прочность календаря, вѣрность хода и непортящ. музыку на 6 лѣтъ, за налож. платеж. **безъ задатка**. Цѣна вмѣсто 25 руб. **только 9 р. 75 к.** Въ Азіатскую Россію высылается только по полученіи задатка въ размѣрѣ 2 руб.

Адресовать: Торговая фирма „Адвансъ“, **Варшава**, 2-ая контора.

P. S. Просимъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, ибо фирма наша стремится, чтобы аккуратно и добросовѣстно выполнять заказы, къ полному удовлетворенію гг. заказчиковъ 170

ЛУЧШІЙ ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

№ 4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

ПРЕВОСХОДНЫЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ И ДЕШЕВЫЕ ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

Зоологическій магазинъ **М. Мулертъ**, СПБ., Караванная., 8, высылаетъ большой иллюстр. каталогъ съ болѣе 100 рисун. акваріумовъ, фонтановъ, террарій, клѣтокъ, рыбъ, канареекъ, попугаевъ, земноводныхъ, собакъ, обезьянъ, раковинъ — за 4 семикоп. марки. 172

Перуин

ИДЕТЪ НА ВСТРѢЧУ ЖЕЛАНІЮ ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ ИМѢТЬ РОСКОШНЫЕ ВОЛОСЫ И ОСВОБОЖДАЕТЪ ЛЮДЕЙ ОТЪ СТОЛЬ ТЯГОСТНАГО ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ И КРАЙНЕ НЕПРІЯТНОЙ ПЕРХОТИ.

ПРОДАЕТСЯ по 1 р. 75 к. фл.

БАЗАРЪ МАРОКЪ, С.П.Б. НЕВСКІЙ № 27 кр. № 9

Требуйте прейсъ-курантъ на пишущія машины

ИДЕАЛЪ.

Эта идеальнѣйшая машина изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенн. и существующ. пишущихъ машинъ.

Представит. Э. КИНКМАНЪ и К°., С.-Петербургъ, Гороховая, 17. 169

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 25. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

НЕСТЛЕ

Въ Россіи исключительно въ запаянныхъ жестянкахъ

Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Дѣтская молочная мука

Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ

самое дѣйствительное, укрѣпляющее нервы и силы средство для взрослыхъ и дѣтей.

БЛЕСТЯЩІЕ ОТЗЫВЫ

врачей объ успѣхахъ примѣненія его при малокровіи, нервныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ питанія дѣтей. Имѣется въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Литературу о Санатогенѣ высылаетъ безплатно К. И. Креслингъ, С.-Петербургъ, Б. Конюшенная 29.

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^ми

С.-Петербургъ, Садовая, № 38.

Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

CONSTIPATION

PILULES DE CASCARA MIDY Lilidy

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО отъ ОБЫЧН. ЗАПОРА

Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.

Не производитъ болей къ желудкѣ, ни тошноты.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал. *2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.*

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

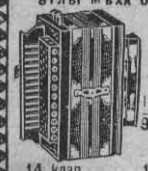
ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ 2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки 5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки 10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.



3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

12 клап.	14 клап.
7 руб.	8 руб.

4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
9. 50 к.	10. 50 к.	12 руб.

5-ти ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
11 р. 50 к.	13 руб.	15 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

Москва, Срѣтенка.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Вниманію лицъ, страдающихъ грыжей! Требуйте безпл. иллюстрир. прейсъ-курантъ знаменит. вѣнскихъ грыжевыхъ бандажей безъ пружинъ и набрюшниковъ, одобрен. знаменит. профессорами хирургіи. Требованія (можно по-русски) просятъ адресовать: В. К., 9 почт. ящикъ, Вѣна, 2/2, 27 — В. К., 9 Postfach, Wien, 2/2, 27. 152

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.

БАНКА 1 р. 90 к.

УГРИН
ОТЪ ПРЫЩЕЙ И УГРЕЙ
Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой
С. ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 16 кв 9

Сканировал reduktorer rutracker.org